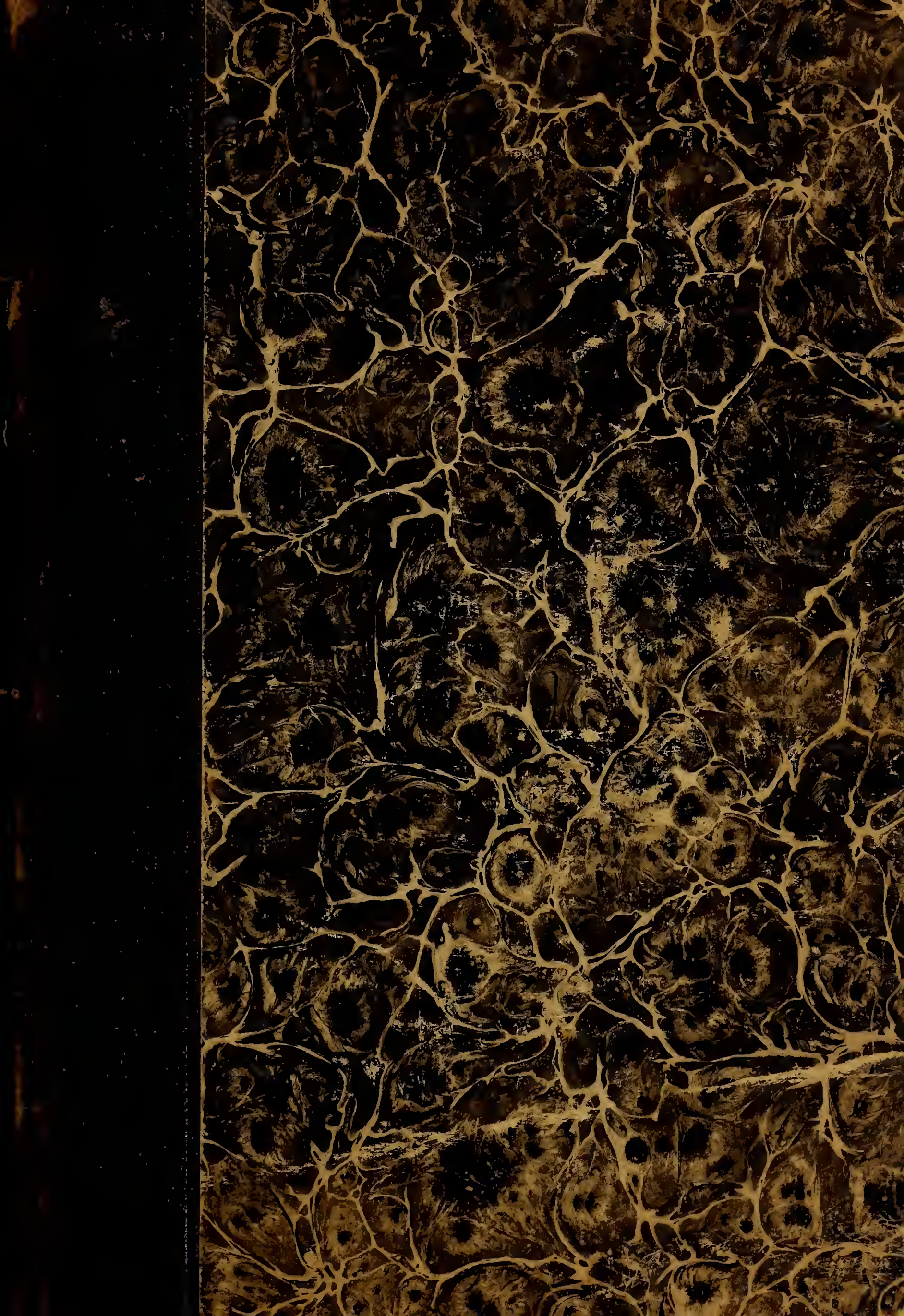

Художникъ В. Верещагинъ.

НА СѢВЕРНОЙ ДВИНѢ.

ПО ДЕРЕВЯННЫМЪ ЦЕРКВАМЪ.

III приложеніе къ каталогу картинъ В. В. Верещагина.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высоч. утвер. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К⁰,**
Пименовская ул., соб. домъ.
1895.

По деревяннымъ церквамъ, на Сѣверной Двинѣ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Мнѣ давно хотѣлось поближе ознакомиться съ деревянными церквами на сѣверѣ, изъ года въ годъ безцеремонно разрушаемыми; чтобы осмотрѣть тѣ, къ которымъ не нужно трястись по проселкамъ, на телѣгѣ, я рѣшилъ построить себѣ барку и на ней спуститься до Архангельска, останавливаясь по Сѣверной Двинѣ не только тамъ, гдѣ пристаютъ пароходы, но и гдѣ Богъ на душу положитъ—гдѣ постройки или мѣстность окажутся почему-либо интересными.

Лоцманы парохода, на которомъ я ѣхалъ, дали указанія, гдѣ удобнѣе заказать барочку: одинъ совѣтовалъ обратиться къ Смирнову въ Устюгѣ, другой предложилъ, «самое лучшее», попросить объ этомъ одного душевнаго человѣка—Зотія Ивановича Фофанова, довѣреннаго большого Архангельскаго торговаго дома—«я служилъ у него, знаю его, хорошій человѣкъ, безпремѣнно сдѣлаетъ; въ зырянахъ закажетъ, онъ туда часто ѣздитъ. Они теперь дома, какъ разъ застанете ихъ».

Такъ какъ З. И. Фофановъ живетъ въ Сольвычегодскѣ, то я вышелъ на первой станціи, въ Ускорьѣ и оттуда, на наемной тройкѣ, махнулъ въ этотъ городъ—благо онъ всего въ 30-ти верстахъ—къ указанному «душевному человѣку», оказавшемуся именно такимъ: любезно выслушалъ, согласился и обѣщалъ къ будущей веснѣ выстроить въ Яренскѣ маленькую барку-яхту. Изъ Москвы я дополнилъ мои указанія и въ половинѣ мая 94 года нашелъ лодку пригнанною въ Сольвычегодскъ.

Пришлось не мало повозиться еще съ устройствомъ самаго необходимаго для болѣе или менѣе комфортабельнаго плаванія: кровати съ пологомъ, съ полочками, шкафчиками, пришлось устроить сѣтки въ окнахъ отъ комаровъ, поставить двѣ печи, одну внутри для согрѣванія каюты, другую снаружи—для кухни. Такъ какъ я намѣревался ѣхать съ женою и ребенкомъ, то понадобилось устроить на палубѣ перила, а помѣщеніе внутри обить плотною матеріей.

Сольвычегодскъ такой маленькій городокъ, что въ немъ почти ничего нельзя достать: якорь и паруса заказали въ Устюгѣ, печку купили на баркѣ, развозящей произведенія какого-то чугуннаго завода. Съ грѣхомъ пополамъ—что изъ лавокъ, что по знакомству—раздобылись всѣмъ нужнымъ, и когда главное было готово, я, вызвавши изъ Москвы жену съ нашей трехлѣтней дѣвочкой, вступилъ въ командованіе маленькою яхтой.

И въ голову не могло, конечно, придти, что въ самую

Входныя врата Сольвычегодскаго собора.

послѣднюю минуту, нельзя будетъ достать картофеля, муки и т. п. необходимѣйшихъ вещей —ихъ нѣтъ въ городѣ въ продажѣ, иначе какъ въ базарные дни. Кое-какъ, однако, съ помощью того же благодѣтеля З. И. и его добрѣйшей супруги, раздобылись всѣмъ понемногу: кислой капусткой, сухариками и проч., и 25 мая, поднявши парусъ, отплыли по рѣкѣ Вычегдѣ, впадающей въ Сѣверную Двину.

Пока барка тихо двигается — нѣсколько словъ о Сольвычегодскѣ.

Когда-то при Строгоновыхъ это былъ городъ: отсюда эти именитые люди снарядили и отправили на поиски въ Сибирь Ермака, распорядившагося потомъ немножко воровски, ударившаго челомъ покоренными землями не пославшему его, а царю Ивану. Впрочемъ, атаманъ прислалъ «хозяину» много мѣховъ и самоцвѣтныхъ камней—не малое число послѣднихъ до сихъ поръ красуется на ризахъ иконъ Сольвычегодскаго собора.

Теперь въ Сольвычегодскѣ около тысячи человѣкъ жителей. На высокомъ мѣстѣ, когда-то обнесенномъ высокимъ тыномъ, противъ собора, противъ Строгоновскаго дворца и службъ—теперь маленькіе домишки, въ одномъ изъ которыхъ и мы жили.

Между прочимъ, на огородѣ хозяина нашей квартиры весенняя вода ежегодно вымываетъ изъ земли по нѣсколько десятковъ эмалевыхъ пуговицъ и такъ какъ намъ приносили по нѣскольку пуговицъ слитыхъ вмѣстѣ, еще не распиленныхъ и не залитыхъ эмалью—

я заключилъ, что тутъ, вѣроятно, онѣ и дѣлались, тутъ были мастерскія этого рода вещей. Эмали строгановской работы хотѣ и не такъ богаты, какъ московскія, но также какъ живопись и шитье золотомъ,— очень цѣнятся и по Сольвычегодскимъ церквамъ, особенно въ соборѣ, много образцовъ этихъ искусствъ: тамъ вѣнцы къ ликамъ на иконахъ и цаты къ нимъ, работанные эмалью по серебру и мѣди, прекрасно сохранились до сихъ поръ. Есть вещи, какъ паникадила и чашки, крытыя сплошь эмалью.

Теперь даже тёсу нельзя достать въ Сольвычегодскѣ и я, выбравши весь наличный запасъ у милѣйшаго З. И., принужденъ былъ выпрашивать понѣсколько досокъ у разныхъ лицъ. А вѣдь есть въ Сольвычегодскѣ и богатые люди, наприм., наслѣдники Сибирскаго богача-филантропа Х—ва, но они держатъ свои процентныя бумаги въ сундукахъ, исправно отрѣзая купоны и издерживая изъ нихъ малую часть на проживаніе, остальное пріобщаютъ къ капиталу. Одинъ изъ этихъ Х. торгуетъ виномъ, другой мелочью: леденцами, чаемъ, тарелками, горчицей, да и то спустя рукава, такъ что сплошь и рядомъ перловая крупа есть, а рисовой нѣтъ, стаканы есть, но блюдечекъ нѣтъ—«скоро будутъ» и т. п. Третій Х. только молится Богу—и то хорошо.

Мы выѣхали подъ вечеръ въ безвѣтріе, такъ что парусъ почти не надувался, и тихо стали спускаться по рѣкѣ Вычегдѣ; но вдругъ вспомнили, что забыли нашу маленькую лодочку, предназначенную для съѣз-

довъ на берегъ и небольшихъ экскурсій въ стороны; чтобы снова не притыкаться къ берегу, я спустилъ одного изъ нашихъ молодцовъ въ лодку по близости работавшихъ рыбаковъ—они доставили его въ Сольвычегодскъ, и малый скоро догналъ насъ на веслахъ нашей «душегубки».

У меня трое людей: двое Гаврилъ и одинъ Андрей — народъ, привыкшій къ водѣ, служившій на баркахъ, плотахъ и пароходахъ. Андрей, какъ болѣе услужливый, состоитъ въ должности нашего драбанта: чиститъ платье, убираетъ каюту, готовитъ кушанье, но поспѣваетъ и на верхъ, къ случаямъ постановки паруса, снятія съ якоря или прохода опаснымъ мѣстомъ. Это самый покладистый изъ троихъ. Гаврила меньшой опытенъ по рѣчному плаванію и можетъ работать, но лѣнивъ и сонливъ, при этомъ и грубоватъ; послѣднее, впрочемъ, смягчается наивностью. Гаврила большой—на рѣдкость лѣнтяй и соня; разъ или два, въ опасныя минуты, въ немъ просыпалась энергія и сказывался исправный рулевой, но обыкновенно онъ представлялъ изъ себя ходячую сонную машину: раньше всѣхъ ляжетъ, позже всѣхъ встанетъ, да и днемъ храпитъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Еще на берегу я замѣтилъ болѣзненную склонность нашего «старшого» къ отдыху и сну и спрашивалъ почтеннаго З. И.: полно, ужъ брать ли его, можетъ ли быть хорошимъ рулевымъ такой сонный тетеревъ, но Ф. отвѣтилъ буквально по пословицѣ: «хоть и деретъ, за то ужъ въ ротъ хмѣль-

ного не беретъ»—за него, говоритъ, ручаюсь, что не напьется и не забуянитъ, а за другого не поручусь. Мы взяли Гаврилу, но потомъ покаялись.

Впечатлѣніе движенія по гладкой поверхности рѣки очень пріятное: ярко освѣщенное небо, перерѣзанное темнозелеными полосами растительности, отражалось въ водѣ, какъ въ зеркалѣ; кругомъ полная тишина.

Мы уже заснули, когда люди наши пристали къ берегу, близъ своей деревни. Гаврилы, какъ женатые, побывали въ своихъ семьяхъ, и жены на утро пришли проводить ихъ. Запасшись молокомъ, мы тронулись дальше и скоро вышли въ Двину; налѣво виднѣлась церковь села Котласъ—того самаго, къ которому ведутъ теперь желѣзную дорогу изъ Вятки—вправо, песчаная отмель, на которой впервые послѣ половодья рыбаки начали неводить рыбу.

Оставивши спать нашу малютку, мы выѣхали на маленькой лодочкѣ на берегъ, чтобы закинуть неводъ на счастье: уловъ оказался неважный—одна порядочная нельма, остальное все мелочь.

Какъ-то въ Вологдѣ, гдѣ я покупалъ и посылалъ въ Москву извѣстныхъ нельмъ изъ Кубенскаго озера, меня увѣрили, что нельма—женскій полъ сига. Здѣсь рыбаки оспорили это мнѣніе: разница между нельмой и сигомъ хоть небольшая, но есть—у одной нижняя губа покороче, чѣмъ у другой.

При насъ они вытащили изъ садка много большихъ нельмъ и щукъ и тутъ же на пескѣ всѣхъ перебили: легкій ударъ камнемъ по головѣ живо

прикончилъ первыхъ, но щукъ пришлось ударить не одинъ разъ и покрѣпче, чтобы заставить ихъ разстаться съ жизнію.

Бьютъ рыбу потому, что сонную легче доставлять, а въ продажѣ живая рыба имѣетъ почти ту же цѣну, что и сонная. Рыбу, обложенную снѣгомъ, возятъ въ Устюгъ, въ 60-ти верстахъ, куда требуется ея много и гдѣ платятъ хорошо; возятъ и въ Сольвычегодскъ, но тамъ народъ побѣднѣе и платятъ меньше.

Мы хотѣли купить семгу, чтобы полакомиться ею и въ свѣжемъ видѣ и подсоленою, но здѣсь подходящей не оказалось: были все рыбы фунтовъ на тридцать, на сорокъ—слишкомъ много для насъ. «Есть, говорили, хорошенькая рыбка, какая вамъ нужна, фунтовъ на 17—18, у одного мужика, вотъ тутъ близко въ садкѣ, да его-то самого нѣтъ—нельзя продать».

Изъ садка же мы купили нельму побольше, отъ 3—4 фунтовъ вѣсу, заплатили пятьдесятъ копеекъ и поѣхали дальше—тамъ, по словамъ нашихъ людей, рыбачили восемь или десять неводовъ и мы могли надѣяться достать всякую рыбу.

Вышло иначе: спустившись въ каюту, я проглядѣлъ какъ мямля рулевой, вмѣсто того, чтобы держаться навѣтренной стороны рѣки, быстро спустился на подвѣтренную, гдѣ насъ прижало въ маленькій заливчикъ, и выбраться изъ него, несмотря на всѣ усилія, не удалось. Пришлось вооружиться терпѣніемъ, крѣпко притянуться къ берегу и ждать пока

стихнетъ или перемѣнитъ направленіе вѣтеръ. Досаднѣе всего было то, что въ этомъ мѣшкѣ, еще закрытомъ островкомъ, мы были не видны проходившимъ мимо пароходамъ, изъ которыхъ Костровскіе должны были привозить нашу корреспонденцію.

Я ѣздилъ на острова, посмотрѣть нѣтъ ли чего-либо пострѣлять, но тамъ не оказалось ничего, кромѣ самыхъ мелкихъ куликовъ. Ѣздилъ на другой берегъ рѣки, къ шалашамъ рыбаковъ, какъ разъ вытаскивавшихъ огромный неводъ, но и тутъ уловъ оказался ничтожнымъ: нѣсколько окуней и разная мелочь. Конечно, вода еще высока и погода неспокойна, но все таки ловля изъ ряду вонъ плохая. Наши люди, у себя дома, то же рыбачащіе, разсказывали, что у нихъ, какъ разъ въ такую же пору, вытаскивали за одну тоню по 500 лещей; считая среднимъ числомъ по 10 фунтовъ въ лещѣ всего вѣсу будетъ около ста двадцати пудовъ! Это бываетъ, правда, не часто, но все-таки бываетъ. Разсказывали также о такомъ характеризующемъ мѣстный народъ случаѣ: разъ одинъ пріѣзжій сговорился закинуть тоню на свое счастье и впередъ заплатилъ за нее мужику полтора рубля, съ тѣмъ, чтобы добыча, сколько бы ея ни было, была его. Неводъ едва вытащилъ всю попавшуюся рыбу, и мужикъ безъ церемоніи отказался отъ уговора— жирно, дескать, будетъ за полтора-то рубля!

Въ шалашахъ, у которыхъ я остановился, жило много рыбаковъ; шалашики эти устроены изъ ивовыхъ вѣтвей, и прикрыты съ сѣверной стороны, отъ холодныхъ

Зырянинъ.

рѣзкихъ вѣтровъ, землей. Мнѣ продали изъ садка три стерлядки, всего около четырехъ фунтовъ вѣсу, за полтора рубля и не очень охотно, послѣ порядочнаго торга, такъ какъ цѣны на рыбу послѣднее время поднялись требованіемъ на пароходы и въ особенности въ Петербургъ.

«Прежде,—разсказывали рыбаки,—у насъ забиралъ стерлядей покрупнѣе сольвычегодскій купецъ, по 40 копеекъ за фунтъ; сами-то мы не смѣли ходить въ Петербургъ, боялись убытка—наши какъ работали у хозяина, такъ видѣли сколько рыбы уснуло разъ на переходѣ, да ужъ послѣ догадались, что это изъ-за парохода, взявшаго насъ въ одномъ мѣстѣ на буксиръ, и выпустившаго не то керосину, не то другого чего—рыбка и уснула: въ одно утро вынули 9 пудовъ уснувшей! Въ прошломъ году въ первый разъ ходили сами и Богъ далъ счастья, съ тридцати пудовъ заснуло только восемь фунтовъ! Стали на Фонтанкѣ и продали всю одному торговцу Семенову—у него много садковъ. Торговцевъ приходило много—изъ рукъ рвутъ рыбу, только чтобы хорошая, да живая была. Въ Питерѣ хорошо торговать».

— А почемъ вы продали?

— По шестидесяти пяти рублей за пудъ; можно бы и дороже продать, да ужъ мы все одному, сразу.

— Ну что же, это ладно?

— Какъ не ладно, далъ бы Богъ и впередъ такъ! Въ Петербургѣ только, чтобы живая была, въ Устюгѣ

вотъ не то: расходовъ на провозъ ея много, а что живая, что битая, почитай, одну цѣну даютъ.

— Неужели?—не повѣрилъ я.

— Вѣрно. А ужъ любятъ въ Устюгѣ рыбу! иное не напасешься туда: всякій тамъ давай рыбы, всякій хочетъ, а какая—не смотрятъ—хоть битая, хоть присоленая, хоть и съ душкомъ, была бы только рыба, ѣсть бы только рыбу.

Изъ болѣе крупныхъ рыбъ налимъ и лещъ продаются здѣсь по пяти копеекъ за фунтъ. Нельма по пятнадцати, семнадцати копеекъ. Свѣжая семга по тридцати и тридцати пяти, смотря по улову. Когда ее много,—она продается и 20 копеекъ и даже дешевле. Стерлядь мелкая 30 и 40 копеекъ, покрупнѣе, фунта въ два вѣсомъ, по 50 копеекъ за фунтъ; еще крупнѣе по 70 копеекъ и до рубля. Эта послѣдняя въ Петербургѣ продается по три рубля за фунтъ. Рыбаки увѣряютъ, что ихъ стерлядь самая мягкая, нѣжная и вкусная, но я это оспаривалъ и стоялъ за нашу шекснинскую, держась за авторитетъ Державина:

Шекснпска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ...

— Наша шекснинская лучше.

— А! Вы съ Шексны будете. У насъ есть мужичокъ изъ тѣхъ мѣстъ. Только гдѣ до нашей стерляди, ужъ наша стерлядь извѣстная, первая. Гдѣ шекснинской до двинской.

— Нѣтъ, шекснинская лучше.

— Да хоть въ Питенбурхѣ спросите.

Между прочимъ рыбаки очень заинтересовались моимъ бѣлымъ крестомъ и выразили увѣренность, что «этотъ крестъ должно быть не даромъ данъ— и приняли должно быть всего».

Рыбаки посовѣтовали не класть купленную рыбу въ мою свѣжезасмоленную лодку, такъ какъ рыба, хоть не много пробывши въ ней, непремѣнно приметъ смоляной вкусъ и, тоже не безъ торга, продали за 40 копеекъ продолговатую, очень удобную для сохраненія рыбы, кадушечку, служившую мнѣ и послѣ для этого предмета.

Пока я былъ у рыбаковъ, жену мою такъ закачало, что пришлось перейти отъ все крѣпчавшаго вѣтра въ болѣе спокойное мѣсто.

На другой день, 27-го мая, мы пробовали подниматься на шестахъ, но вѣтеръ, едва не бросивши барочку на камни и на стоявшія тутъ баржи съ ворванью изъ Архангельска, заставилъ воротиться. Пробовали гулять по лужку берега, между бродившимъ тутъ скотомъ, но вѣтеръ, сырость, а скоро и дождикъ загнали насъ въ каюту, гдѣ пришлось затопить печку.

Позже пошли побродить по раскинутой на высокомъ берегу деревнѣ, купили въ нашу берестяную ручонку молока. Стали спрашивать курицу—не продаютъ: несутъ, говорятъ, яйца—жалко. «Вотъ тутъ рядомъ есть курица не несется, должно быть продаутъ.—Идемъ туда.

— Есть продажныя курицы?

— А и то можно продать—не несется.

— Что ты за нее хочешь? — спрашиваю крестьянина.

— А что пожалуете!

— Ну, пожалую тебѣ пять копеекъ, говорю я въ шутку.

— Пять-то копеекъ какъ-будто мало, отвѣчаетъ онъ серьезно.

— Такъ сколько же тебѣ нужно?

— А десять положите, такъ довольно будетъ.

Такъ мы и сварили супъ изъ десятикопеечной курицы, которая оказалась хотя и жесткою, но жирной и не менѣе вкусной, чѣмъ ея дорогія товарки.

Серебряный пятачокъ, данный женой моей за молоко, произвелъ такой эффектъ, что явился дѣдъ изъ одной избы, въ которую мы заходили, съ предложеніемъ яицъ и просьбой, коли товаръ его не нуженъ, хоть изъ милости промѣнять ему гривенникъ на два пятачка—для дочери его (матери того внука, котораго я гладилъ по головѣ, совѣтуя ему учиться) — ей очень захотѣлось такихъ «баскихъ денезекъ» (баской — красивый). Должно быть пятачки понравились, потому что вскорѣ явился самъ внучекъ, разряженный въ новый кафтанъ и кушакъ, съ «гостинцемъ»—ватрушками и жареными въ маслѣ лепешками, изъ яшной муки. Хоть онъ и увѣрялъ, что мать ему не приказала брать денегъ, но насильно всученный пятачокъ не сдѣлалъ ему неудовольствія,

а главное заставилъ прибѣжать еще дѣвочку и еще другую, желавшихъ продать молока и получить хорошенькую монетку, но ужъ отъ этихъ мы отдѣлались. И старые и малые находили, что у насъ въ каютѣ «оцень хоросо», и всѣ, дѣдъ же въ особенности, такъ усердно молились на барометръ-анероидъ, висѣвшій надъ столомъ, что мы рѣшили немедленно раздобыться образомъ и вотъ у нашихъ людей нашелся листокъ съ раскрашеннымъ изображеніемъ Николы, покровителя мореплавателей, который мы и водворили въ почетномъ углу. Отнынѣ кресты во весь махъ руки и шептанія обращались уже къ этому священному изображенію, а не къ «заморской штучкѣ» подъ стекломъ.

Вмѣстѣ съ вкуснымъ супомъ изъ помянутой 10-ти-копеечной курицы, приготовленной съ сушеными овощами, мы имѣли сегодня за обѣдомъ двухъ стерлядокъ, оказавшихся идеально нѣжными и вкусными.

На счастье и погода стихла, такъ что мы вышли изъ нашей водяной берлоги, просидѣвши тамъ полторы сутокъ и направились къ мѣстечку Туровцу, со старою деревянною церковью на самомъ берегу Двины. Кажется, это обыденная церковь, т.-е. построенная всѣмъ населеніемъ въ одинъ день, по обѣту. Молодой любезный батюшка показалъ мнѣ ее, а матушка напоила чаемъ. Церковь небольшой древности, второй половины прошлаго столѣтія, не представляла большого интереса: всѣ иконы переписаны до крайности неумѣлыми мастерами. Набросивши наружный видъ

все-таки довольно оригинальной постройки, съ гулявшими между могилъ коровами, я спустился съ крутого высокаго берега къ лодкѣ, и мы двинулись впередъ; ушли однако недалеко: вѣтеръ такъ засвѣжѣлъ опять, что пришлось приткнуться въ заливчикъ маленькаго ручья.

28 мая. Когда мы проснулись и вышли на палубу, лодка отошла уже далеко, но такъ какъ вѣтеръ былъ крѣпокъ, ее скоро прибило къ острову—пришлось убѣдиться, что рубка съ навѣсомъ и перилами очень парусятъ нашу барочку: когда поднимается вѣтеръ, она плохо слушается руля, идетъ бокомъ и даже иногда поворачивается кормой впередъ; я положилъ въ нее на 150, если не на 200 пудовъ, булыжнаго камня и кирпичей, но очевидно, этого груза было недостаточно. Опять пришлось бросить якорь и ждать пока утихнетъ вѣтеръ. Мы погуляли по острову, и я выстрѣлилъ по уткѣ, которая улетѣла умирать; тогда я убилъ чайку, къ великому сожалѣнію жены моей, горевавшей о томъ, что этотъ выстрѣлъ «отъ бездѣлья» отнялъ мамашу у дѣтенышей. Однимъ утѣшеніемъ этого скучнаго сидѣнія у пустыннаго острова была послѣдняя изъ трехъ нашихъ стерлядей: слова безсильны передать вкусъ этого блюда, нужно самому поймать или купить двинскую стерлядь, потушить ее на свѣже-сбитомъ маслѣ и... съѣсть.

Послѣ полдня мы вышли, подвигаясь сначала подъ парусомъ, потомъ на веслахъ, истинно наслаждаясь погодою и ширью воды, такъ же какъ

и всѣмъ, окружавшимъ насъ пейзажемъ: впереди водяное зеркало тоненькою голубою полоской отдѣлялось отъ зарумянившагося небосклона; на берегу влѣво виднѣлась темная линія домишекъ и бѣлыя пятна двухъ церквей заштатнаго городка Красноборска; направо высился верхъ деревянной Бѣлослуцкой церкви, къ которой мы теперь направлялись.

Пока барка тихо двигалась по теченію, я успѣлъ два раза съѣздить на берегъ и потомъ догнать ее: одинъ разъ ѣздилъ къ деревнѣ Телѣгово разспросить объ нашемъ пути, такъ какъ Бѣлая Слуда расположена въ сторонѣ—да кстати запастись и молокомъ; другой разъ хотѣлъ запастись рыбой, но на лодкахъ у рыбаковъ рыбы не было, ловля была неудачная они звали къ себѣ въ деревню, куда я не пошелъ.

Вечеромъ вошли въ устьѣ рѣки Мошкурки, сплошь заставленное плотами лѣса, что сплавляется въ Архангельскъ, со множествомъ рабочаго народа—тутъ стояли говоръ, шумъ, гармонія, пѣніе и проч.

Старая церковь, которою я заинтересовался, была невдалекѣ—въ верстѣ, на очень крутомъ берегу.

На другой день 29 числа я поѣхалъ къ ней на легкой лодкѣ.

Всходъ на кручу берега, по сильно сыпучему песку, составлялъ маленькое подвижничество, зато останавливаясь для того, чтобы перевести духъ и отдохнуть, я любовался открывавшимися во всѣ стороны далекими окрестностями. На верху, сквозь мо-

лодой лѣсокъ сосноваго бора, виднѣлись двѣ деревянныя церкви, отъ которыхъ такъ и пахло родною стариной. Кабы не довольно неуклюжая, современныхъ формъ, тутъ же рядомъ, стоявшая каменная церковь, все окружающее представляло бы картину XVII столѣтія.

Мнѣ говорили, что большая церковь имѣла съ крестомъ до 30 сажень, но теперь она во всякомъ случаѣ ниже, потому что осѣла на много рядовъ подгнившихъ отъ земли бревенъ. Построена церковь въ 1642 году высокимъ восьмиугольникомъ съ восьмиугольнымъ же, необычайно высокимъ, шатровымъ верхомъ; галлерейка или паперть, примыкавшая къ церкви съ трехъ сторонъ, обвалилась. Эти галлерейки служатъ примѣромъ прежняго вниманія строителей къ прихожанамъ: съ двойнымъ рядомъ скамеекъ, онѣ были мѣстомъ, гдѣ можно было отдохнуть до обѣдни, во время службы и послѣ нея.

Другая деревянная церковь много ниже, меньше и постарше, вѣроятно начала XVII, если не конца XVI столѣтія — сильно подгниваетъ и опускается: часовня подъ поломъ, служившая покойницкою, совершенно уже подъ землею. «20 лѣтъ тому назадъ, говорилъ мнѣ сторожъ, я еще ходилъ въ эту покойницкую, а теперь туда и курица не пролѣзаетъ».

Благообразный, молодой батюшка служилъ въ церкви, но народу было очень мало. Иконостасъ весьма интересенъ: низъ его съ мѣстными образами, укра-

Церковь въ Бѣлой Слудѣ.

шенъ деревянною рѣзьбой, можетъ быть нѣсколько болѣе поздней работы, но верхъ представляетъ образчикъ простоты прежнихъ церквей, какого мнѣ еще не случалось видѣть—иконы поставлены рядышкомъ на узенькихъ полкахъ, безъ всякихъ украшеній между ними; въ общемъ глазъ гораздо меньше устаетъ на такомъ иконостасѣ, чѣмъ на теперешнихъ, съ верху до низу разукрашенныхъ и раззолоченыхъ. Окна въ церкви и большія и маленькія расположены не симметрично, а въ потолкѣ видны отверстія, отъ которыхъ, по словамъ священника, идутъ вверхъ деревянныя трубы—голосники, какъ онъ полагалъ.

Ужъ не голосники ли были причиною того, что голосъ дьячка, пѣвшаго за обѣднею, такъ безжалостно фальшивилъ! казалось иногда, что вотъ можно попасть наконецъ на общій дьячковскій напѣвъ и подтянуть ему — такъ нѣтъ вдругъ хватитъ такъ высоко, такъ несообразно, хотя и видимо искренно, «отъ всей души», что приходилось оставить всякую надежду слѣдовать за нимъ—попасть ему въ тонъ.

Густой, высокій, сосновый боръ, окружавшій церкви, очевидно помогъ ихъ сохраненію, хотя деревянная черепичатая крыша кое-гдѣ прогнила и оттуда торчитъ уже береста. Паперть, какъ сказано, обвалилась, а вся церковь покосилась, но въ общемъ лѣсъ крѣпокъ, и съ поправкой, для которой теперь самое время, старая постройка простоитъ пожалуй еще два столѣтія.

Жена моя съ малюткой тоже пришла полюбоваться на старину; потомъ мы всѣ отправились въ домъ священника, отца полдюжины дѣтокъ, счастливаго супруга дородной привѣтливой матушки, успѣвавшей и кормить грудью ребенка и болтать съ нами и угощать насъ.

Въ приходѣ, по словамъ священника, большая наклонность къ расколу: еще молодые люди, думающіе объ удовольствіяхъ жизни, мало заботящіеся о спасеніи души, держатся православія и для position sociale крестятъ дѣтей своихъ въ православную вѣру; но къ 40—50-ти лѣтнему возрасту, когда является потребность позаботиться о будущей жизни, большинство переходитъ въ расколъ, теперь также нетерпимо, какъ и прежде, относящійся къ православію—въ особенности къ его священнослужителямъ: Боже избави, не только священнику, но и дьячку заглянуть въ мѣсто собранія раскольниковъ, ихъ молельню—все будетъ опоганено и осквернено его взоромъ, все будутъ мыть, бѣлить, святить.

30 мая. Опять былъ въ церкви, гдѣ началъ заниматься — писать иконостасъ. Сторожъ разсказывалъ, что церковь третій разъ мѣняетъ свое мѣсто, потому что рѣка подрываетъ берегъ. Онъ разсказывалъ кромѣ того, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ была разломана, стоявшая близъ церквей, колокольня, тоже деревянная и очень высокая; она покривилась и при сильномъ вѣтрѣ покачивалась. Такъ какъ крестьяне старыхъ построекъ не цѣнятъ,

а священники немножко стыдятся, то ее не долго думая и сломали. Часть осьмиугольнаго сруба стоитъ теперь въ сторонѣ, какъ сторожка для пріема покойниковъ, а остальное изрублено на дрова—изрублено съ трудомъ, потому что топоръ едва бралъ это «гнилое» дерево.

Изъ разсказаннаго мнѣ далѣе было видно до какой степени варварски обращаются въ захолустныхъ мѣстахъ со старыми церквами, единственными памятниками старины: выше по рѣкѣ Уфтюгѣ сломана очень старая церковь, еще настолько крѣпкая, что лѣсь употребили сначала на церковный амбаръ, а потомъ изъ него сдѣлали часовню; Церковь Богородицы по той сторонѣ Двины, вѣроятно одна изъ самыхъ старыхъ построекъ окрестности, сломана по приказанію Преосвященнаго Іоанникія, бывшаго викарія Устюжскаго. Священникъ этой церкви досталъ было денегъ на поправку ея, но его преосвященство распорядился коротко и ясно: «снесите мнѣ это» и старую церковь, никому не мѣшавшую, раскололи на дрова.

Въ 30-ти верстахъ отъ Сольвычегодска въ Христофоровой пустынѣ сломали еще очень крѣпкую деревянную церковь весьма оригинальной архитектуры, половины XVI столѣтія, т.-е. времени Грознаго—сломали просто потому, что достали денегъ на постройку новой, каменной. Мѣстный благочинный говорилъ мнѣ, что онъ предлагалъ другое мѣсто для новой постройки — чего желали и тамошніе

раскольники, чтобы спасти старую—но священникъ, а за нимъ и православные прихожане захотѣли непремѣнно возвести новый храмъ на старомъ мѣстѣ. Казалось бы послѣ строгаго наказа святѣйшаго синода, не ломать памятниковъ старины—архіереи и ихъ викаріи должны были бы быть осмотрительными, но его преосвященство Варсонофій устюжскій не задумался благословить ломать — и сломали.

Нельзя не пожалѣть, что въ семинаріяхъ и особенно въ духовныхъ академіяхъ, не проходятъ хоть краткой исторіи изящныхъ искусствъ: если священники, принимающіе въ свое вѣдѣніе старинныя постройки, не щадятъ ихъ, безцеремонно передѣлываютъ и разламываютъ, то чего же ждать отъ полуграмотныхъ церковныхъ старостъ, конечно готовыхъ пожертвовать всякою деревянною, старинною—новой аляповатой, каменной постройкѣ, съ раззолоченными выкрутасами.

Я радъ былъ видѣть, что Бѣлослудскій священникъ не изъ разрушителей: онъ просилъ уже синодъ о вспомоществованіи, для поднятія покрившейся церкви и возстановленія всего обрушившагося.

Подъ вечеръ батюшка позвалъ меня посмотрѣть на ловлю рыбы «ботаньемъ», совсѣмъ отличнымъ отъ того ботанья въ верши, которымъ я въ дѣтствѣ занимался — онъ наловилъ не мало крупныхъ язей, изъ которыхъ два пошли на нашу долю.

Большая часть священниковъ тутъ простой, покладистый, народъ; здѣшній, о. Василій совсѣмъ порядочный

хорошихъ правилъ, жаловался по обыкновенію на недостатокъ средствъ—что врядъ ли справедливо. Конечно у него шесть человѣкъ дѣтей, будутъ вѣроятно и еще шесть, зато есть двѣсти рублей жалованья, пять коровушекъ и хоть въ приходѣ много раскольниковъ, но доходъ вѣроятно не малъ; по крайней мѣрѣ за время пребыванія моего около церкви, я видѣлъ, что батюшку постоянно звали для исполненія требъ: то на телѣгѣ, то скорчась на одноколкѣ, летаетъ онъ давать молитвы, крестить, отпѣвать.

При мнѣ онъ ѣздилъ крестить ребенка безъ верхней губы и неба—будто бы черезъ ротъ видны были даже мозги; мать, говоритъ, плакала, убивалась, убивались и всѣ родные.

Незадолго передъ этимъ онъ крестилъ мальчика съ совершенно раздвоенною губой; эти случайности онъ относилъ къ тому, что жены помогаютъ мужьямъ въ самыхъ тяжелыхъ работахъ, находясь въ беременномъ состояніи, за что и платятся.

Не однажды представлялись случаи двухполовности (гермофродитизма) хотя въ не особенно ясной формѣ—одинъ полъ всегда яснѣе сказывается, чѣмъ другой.

Принявши приходъ, батюшка нашелъ, что, изъ числа мужскаго 2.000-го населенія, болѣе 500 раскольниковъ, а по книгамъ значилось ихъ только съ чѣмъ-то двѣсти. Это обыкновенное явленіе, и новому священнику обыкновенно приходится волей-неволей покрывать неправильность, потому что если онъ ее откроетъ, то его или назовутъ выскочкой, или отнесутъ увеличеніе числа рас-

кольниковъ къ его же нерадѣнію и недосмотру. Отецъ В. долго не зналъ, какъ ему поступить, но наконецъ рѣшился сказать всю правду; за это на него ополчился бывшій священникъ, занявшій уже важный приходъ въ городѣ и имѣвшій вліяніе въ консисторіи, такъ что снова, едва не оправдалась справедливость пословицы: «за правду бьютъ»— только случай спасъ батюшку отъ перевода въ захолустную церковь съ 50-ью человѣками прихожанъ: Вологодскій архіерей, покойный Израиль, объѣзжая епархію, остановился въ его домѣ, выслушалъ упавшаго къ его ногамъ ревнителя правды, обѣщалъ разобрать дѣло и при нуждѣ защитить его. Это послѣднее обѣщаніе оказалось не лишнимъ, потому что было нѣсколько попытокъ проучить молодаго «выскочку»—но Преосвященный не далъ его въ обиду и не только оставилъ на мѣстѣ, а еще наградилъ набедренникомъ, такъ что на этотъ разъ невинность восторжествовала.

Помянутый покойный Израиль любилъ и уважалъ родную старину: когда я объяснилъ ему археологическое и художественное достоинство нѣкоторыхъ старыхъ построекъ его епархіи, онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и отъ души поблагодарилъ.

Между прочимъ пришли звать батюшку служить молебенъ, на выходящіе отсюда къ Архангельску плоты удѣльнаго вѣдомства, молебенъ конечно Николаю Чудотворцу, покровителю мореплаванія. Съ

плотовъ священникъ пріѣхалъ «пособорить» и къ намъ.

Я познакомился тутъ съ чиновникомъ удѣльнаго вѣдомства, заправлявшимъ операціею рубки и сплава лѣса, и разговорился съ нимъ.

Въ нынѣшнемъ году, по его словамъ, вѣдомство ихъ заготовляетъ 240.000 бревенъ, что составляетъ только небольшую часть всего количества вывозимаго въ Архангельскъ лѣса, доходящаго до полутора милліона лѣсинъ въ годъ—это официальная цифра, а не официальная, конечно, гораздо больше.

Дѣло ведется въ удѣльномъ вѣдомствѣ по мѣстнымъ условіямъ хозяйственно и правильно. Здѣсь, наприм., у нихъ 11.000 десятинъ, изъ которыхъ ежегодно рубятъ тысячъ 20-ть деревъ извѣстныхъ размѣровъ, при чемъ вырубается изъ дерева только бревно въ 10 аршинъ, а все остальное бросается и гніетъ. Зимой они подряжаютъ крестьянъ рубить, платя по вершкамъ діаметра, такъ наприм., меньшій вырубаемый діаметръ $6^1/_2$ вершковъ — при обязательныхъ 10-ти аршинахъ длины—оплачивается 27 копейками; 7 вершковъ—30 копеекъ; $7^1/_2$—35 копеекъ; 8—40 копеекъ.

Вырубались нѣкоторыя бревна и 16 вершковъ въ верхнемъ концѣ, такъ что діаметръ нижняго былъ 20 вершковъ!

Семья, работающая зиму до марта, потомъ сплавляющая лѣсъ сюда къ Бѣлой Слудѣ, можетъ выработать 130, 140, 150 рублей—это максимумъ, обусловливаемый работою еще крѣпкаго и сильнаго отца

съ тремя взрослыми сыновьями и лошадью. Минимумъ зимняго семейнаго заработка, по словамъ чиновника, можетъ быть опредѣленъ въ 50—40 рублей.

Отсюда по Двинѣ, до Архангельска, нанимаются уже другіе люди съ платою, глядя по ихъ опытности: лоцманъ, да еще бывалый, можетъ получить 25 рублей, простой же рабочій 15—12 и 10 рублей за плаваніе отъ 8 дней до 2-хъ мѣсяцевъ, смотря по погодѣ, вѣтрамъ и большой или малой водѣ.

Чиновникъ удѣловъ помѣщается въ шалашикѣ, на одномъ изъ плотовъ и ведетъ весь караванъ до станціи Березняки, близъ границы Архангельской губерніи, откуда другой принимаетъ и сдаетъ плоты въ Архангельскѣ. Тамъ часть лѣса распиливается на удѣльномъ заводѣ, а часть отправляется за границу кругляшами. Лѣсъ идетъ преимуществено въ Лондонъ, немного въ Голландію, Францію.

Казна, т.-е. государственныя имущества, не эксплоатируетъ сама, а продаетъ свой лѣсъ на корню, представителямъ большихъ Архангельскихъ торговыхъ домовъ Шергольда, Линдеса и др.

Лѣсныя богатства казны и удѣловъ здѣсь еще велики; въ южной и юго-западной части Вологодской губерніи, особенно по сплавнымъ рѣкамъ, хорошій лѣсъ уже повырубленъ, но въ сѣверной и сѣверовосточной его еще очень много, а въ Архангельской губерніи есть лѣстничества въ семь и болѣе милліоновъ десятинъ (7.000.000) — такъ что обыкновенно лѣсничій не знаетъ, гдѣ начинаются и гдѣ кончаются

его лѣса, разсчитывая лишь приблизительно, что владѣнія его идутъ на сто верстъ въ одну сторону, на полтораста—въ другую. Правда, что на этихъ обширныхъ пространствахъ много болотъ, но есть и добрыя мѣста. Провѣрять лѣса нѣтъ никакой возможности, точно также какъ и всѣ купленныя въ разныхъ мѣстахъ бревна. Каждый годъ лѣсничій выдаетъ извѣстное количество билетовъ на право вывоза такого-то количества бревенъ, но безъ всякаго сомнѣнія вырубаютъ и вывозятъ несравненно больше—по приблизительному разсчету бесѣдовавшаго со мной чиновника, вывозится въ Архангельскъ и отпускается за границу въ *десять разъ* больше, чѣмъ значится по купленнымъ правамъ.

Оно и понятно: на громадное лѣсничество, въ нѣсколько милліоновъ десятинъ, полагается, кромѣ лѣсничаго, восемь служащихъ, объѣздчиковъ и сторожей, между которыми честныхъ—въ томъ смыслѣ, какъ мы это слово понимаемъ—нѣтъ: сторожа изъ тѣхъ же крестьянъ.

До досмотра ли за числомъ вырубаемыхъ бревенъ въ этомъ краѣ, когда верстахъ въ 40 отъ Бѣлой Слуды есть поселенія, въ которыхъ изъ властей никто никогда не бывалъ: знаютъ, что живутъ тамъ люди, но попасть туда не могутъ. Такъ какъ дорогъ нѣтъ, то лѣтомъ проѣхать за глубокими болотами нельзя, а зимой тотъ же наприм. лѣсничій хотѣлъ проѣхать, но никто не взялся везти, подъ предлогомъ, что не знаютъ пути, въ сущности же, конечно изъ боязни обитателей этого медвѣжьяго угла, исправно доставля-

ющихъ всѣ подати, но ревниво охраняющихъ свои палестины отъ присутствія фуражекъ съ кокардами. Жители этихъ невидимыхъ поселковъ зарабатываютъ на звѣриномъ промыслѣ—на бѣлкѣ, лисицѣ, куницѣ, медвѣдѣ и др. и живутъ въ довольствѣ, но провѣрить, не только сколько и какіе у нихъ лѣса, а и ихъ самихъ—до сихъ поръ не удавалось.

Впрочемъ, худаго про окрестное населеніе чиновникъ мнѣ не говорилъ; по словамъ его, здѣсь еще уважается начальническая кокарда и приказанія; исключеніе составляютъ, пожалуй, только жители деревень около Бѣлой Слуды, испорченные ежегоднымъ разгуломъ послѣ полученія разсчета за доставленный лѣсъ—тутъ нерѣдки не только грабежи, но и убійства.

На дняхъ, наприм., двое рабочихъ, получивши плату отправились домой и одинъ, съ пятью, шестью рублями въ карманѣ, позавидовавъ другому, у котораго было 25 рублей—убилъ его, бросилъ въ лѣсу, пришелъ домой, расплатился съ долгами и ушелъ. Однако, такъ какъ на всѣ дороги и переправы посланы знающіе его въ лицо люди, то малый по всей вѣроятности не уйдетъ; тѣмъ не менѣе легкость съ которою совершено это убійство товарища—завѣдомо изъ-за двухъ десятковъ рублей—характерна.

Между прочимъ я завелъ рѣчь съ удѣльнымъ чиновникомъ о *монашенкѣ*, наносящей теперь такой вредъ нашимъ лѣсамъ, и привелъ цифру отъ 3-хъ до 4-хъ сотъ тысячъ десятинъ пострадавшаго лѣса, во Владимірской губерніи, но собесѣдникъ мой сказалъ,

что здѣсь можно ждать несравненно большихъ потерь, т.-е. не на единицы, а на десятки милліоновъ, такъ какъ монашенка уже въ Костромской губерніи, сосѣдней съ Вологодской, а средствъ для борьбы покамѣстъ нѣтъ...

5-го іюня. Эти дни ловилъ рыбу бреднемъ и мережкой, немного стрѣлялъ—убилъ мало: одного селезня, да нѣсколько молодыхъ чаекъ, которыхъ принялъ было за утятъ. Ѣздилъ въ сосѣднюю деревню Цивозеры, съ деревянною же «обыденною» церковью.

Въ 1650 году здѣсь былъ большой падежъ скота, отъ котораго населеніе спаслось постройкой этой церкви, общими силами, въ одинъ день — отсюда названіе «обыденной» церкви—въ честь покровителей животныхъ Флора и Лавра. Теперь эта маленькая церковь совсѣмъ въ загонѣ, потому что рядомъ выстроена новая, каменная, разукрашенная золочеными завитками и финтифлюшками, какихъ не найдется ни въ одномъ стилѣ, и буквально рѣжущихъ глазъ. Все, что можно было перетащить изъ старой захирѣвшей церкви въ новую — вынесено; остались иконостасъ, старыя паникадила и нѣкоторыя другія вещи, по простотѣ своей признанныя недостойными украшать новый храмъ; между прочимъ валялись на лавкахъ священническая риза и дьяконскій стихарь изъ *крашенины.* Только разъ въ годъ въ день Флора и Лавра въ старой церкви совершается богослуженіе.

Священникъ—почтенный, старый, выслужившійся изъ причетниковъ; по его словамъ, когда онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, принялъ здѣшній приходъ, народъ вовсе не ходилъ въ церковь: придутъ два, три человѣка, да и то не мужиковъ, а бабъ; ни свѣчей не покупали, ни на церковь не жертвовали, а теперь не только стали усердно ходить, но и собираются поправить старую церковь.

Раскольниковъ много: на 500 человѣкъ мужескаго пола въ приходѣ ихъ 200. «Бывало», — разсказывалъ священникъ,—«если зайдешь въ раскольничій домъ, такъ всѣ и попрячутся и не дышатъ, словно мертвые, и носа не показываютъ, пока не уйдешь. Теперь хоть сердятся поменьше. Впрочемъ, не одни раскольники запираются отъ священника: какъ за сборомъ иной разъ идешь—и наши православные все запрутъ и притихнутъ, точно повымерли — пока не пройдешь».

По словамъ батюшки, силу духовной ненависти раскольниковъ къ мірскимъ трудно и представить себѣ: «одна баба перешла въ расколъ, а мужъ ея продолжалъ держаться православія — такъ она съ дѣтьми никогда не сядетъ ѣсть, вмѣстѣ съ нимъ и всю посуду мужнину считаетъ за собачью, поганую— ни къ чашкѣ его, ни къ ложкѣ и сама не притронется, и дѣтямъ не позволитъ. Недавно я былъ у этого крестьянина о праздникѣ, служилъ молебенъ, такъ она вѣдь и съ лавки не встала»!

«— Что же это ты, говорю, ноги-то отнялись, что

Иконостасъ церкви въ Бѣлой Слудѣ.

ли, у тебя? Коли исправникъ пройдетъ, такъ ты встанешь и поклонишься, а тутъ самъ Іисусъ Христосъ и Богоматерь.»

— Не наши они, говоритъ, мірскіе.

«— Да вѣдь образа-то старые, вы имъ поклоняетесь?»

— Мирскіе, говоритъ, имъ покланяются, такъ намъ не приходится...

Какъ уже сказано, изъ-за гражданскихъ правъ вѣнчаются и крестятъ дѣтей (чтобъ не считаться въ незаконномъ сожительствѣ и имѣть дѣтей законныхъ), но съ наступленіемъ зрѣлаго возраста большинство поступаетъ въ расколъ—для замаливанія грѣховъ православія. Одинъ крестьянинъ въ послѣднее время взялъ дѣвку изъ Черевковской волости и не хочетъ вѣнчаться, гуляетъ съ ней, живетъ такъ. «Я видѣлъ его, говорилъ батюшка, срамилъ: что это ты, говорю, Петра, хоть бы поостерегся, постыдился бы людей—такъ ничего себѣ, ухмыляется Теперь вотъ она беременна, посмотрю, что дальше будетъ, какъ онъ выберется. Я такъ полагаю, что онъ погуляетъ съ дѣвкой и выгонитъ ее».

«Говорю я имъ, что хоть и мерзко креститься двумя перстами, но пусть крестятся, только, говорю, соблюдайте таинства, да чтите священство». — «У насъ, говорятъ, свое священство есть, а ваше незаконное.—Какое же, говорю, это у васъ священство: поговоритъ, почитаетъ тамъ на дому, а потомъ за соху—такой же мужикъ, какъ и вы!»

«Только два таинства и признаютъ: крещенье и

бракъ, даже святого причастія не принимаютъ. Крестятъ старательно, раздѣвая до-гола̀, не только при выходѣ изъ православія, но и при переходѣ изъ одного толка въ другой. Христа почитаютъ, но Новый Завѣтъ не очень жалуютъ, зато Ветхій Завѣтъ и его праздники справляютъ усердно.»

«— Умретъ у нихъ человѣкъ—жаловался батюшка—меня даже и не извѣстятъ, пойдутъ къ старостѣ: вотъ тебѣ рублевка, дай свидѣтельство о смерти; тотъ дастъ и развѣ только увѣдомитъ меня о томъ, что «смерть послѣдовала отъ натуральныхъ причинъ, знаковъ насилія нѣтъ, о чемъ васъ и увѣдомляю.»

«Я писалъ, доносилъ о томъ, что это не свидѣтельство, что за лишнюю рублевку, староста и насильственную смерть скроетъ; писалъ и о томъ, что они хоронятъ на другой же день, чего не слѣдуетъ—будто не писалъ, должно быть никто не читаетъ... Прежде ихъ хоронили вмѣстѣ съ православными, теперь отведено мѣсто дальше въ лѣсу».

Интересно, что переходящій въ расколъ непремѣнно придетъ предварительно къ священнику исповѣдаться въ грѣхахъ всей своей жизни. Я спрашивалъ не требуютъ ли этого собратья по расколу—нѣтъ, это ужъ по собственному побужденію перебѣжчика и дѣлается непремѣнно.

Батюшкѣ очень понравился сдѣланный мною набросокъ иконостаса его старенькой церкви и онъ выразилъ надежду, что я пропечатаю его въ «Епар-

хіальныхъ Вѣдомостяхъ». Напоивши чаемъ, онъ любезно проводилъ меня, кланяясь съ крыльца: «прощайте, Василій Васильевичъ, милостивый государь!»

Марко, сторожъ Бѣлослудской церкви, всячески услуживавшій мнѣ, тоже ударился было въ расколъ, но возвратился. Я слышалъ объ этомъ у батюшки и спросилъ его: какъ же это было Марко, что ты чуть не сдѣлался раскольникомъ?

— А также и было, что встрѣтился тутъ одинъ старикъ, говоритъ: ты, Марко, старъ дѣлаешься—пора тебѣ о Богѣ подумать. У «нихъ» все вѣдь неладное, все незаконное, вонъ они Христосъ Воскресе то какъ поютъ! надобно пѣть: «смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ»—а у нихъ поется: «смертью на смерть наступилъ и гробнымъ животъ даровалъ» — ну и прочее такое... Я подумалъ: о Богѣ конечно время помыслить, только говорю, у меня нѣтъ денегъ на крещенье.

— Ничего, говоритъ, какія деньги!—даромъ окрестимъ.

— Потомъ окрестили, сталъ я ходить къ нимъ, вижу сами молятся, а меня къ молитвѣ не допускаютъ, все держатъ въ сторонѣ.

— Что же, говорю, вы меня этакъ не допущаете, долго ли же это будетъ?

И стали они мнѣ говорить, что еще за портву при крещеньи я не заплатилъ, да и такъ денегъ сколько-нибудь надо бы.

— Какъ же, говорю, вы сами говорили, что денегъ не надо!

— Нельзя, говорятъ, Марко, никакъ нельзя, хоть немного, да надо.

— Кому же, говорю, эти деньги то?

— Старикамъ, говорятъ—нельзя, Марко, безъ этого.

— Ну, говорю, господа, ужъ крестите другихъ, богатыхъ, а я вамъ не товарищъ.

* * *

Жена моя, какъ знающая музыку, хотѣла познакомиться съ характерными напѣвами здѣшняго края, и я просилъ одного крестьянина раздобыть умѣющихъ пѣть старыя пѣсни, непремѣнно *старыя.* Намъ сказали о какомъ-то старикѣ, знахарѣ, чуть не колдунѣ, мастерѣ и въ словахъ и въ голосѣ по части старыхъ пѣсенъ, но его въ это время не было—постоянно бродитъ за милостынею. Вмѣсто него пришли лучшіе пѣвуны изъ деревни—два мужика и дѣвка, и, усѣвшись на палубѣ нашей барки, стали перепихиваться и уговариваться о томъ, кому начинать.

— Зачинай ты, я подхвачу!

— Ты зачинай, ты смѣлѣе!

— Чего смѣлѣе, зачинай сама, ну, Арина!..

Добрые полчаса прошли въ этихъ взаимныхъ подзадориваніяхъ, наконецъ одинъ началъ и всѣ трое вывели нѣсколько пѣсенъ, напѣвъ которыхъ оказался интереснымъ, заунывнымъ, меланхолическимъ, вѣроятно старымъ, но слова—современной фабрикаціи, жеманныя и пошлыя.

По увѣренію пѣвшихъ,—у нихъ не хватало куражу, смѣлости и мы отпустили ихъ съ рублемъ денегъ и приказомъ: купить этой смѣлости и завтра вечеромъ привезти ее съ собой. Когда на другой день они дѣйствительно явились уже «на взводѣ» и еще съ бутылкою про запасъ, то куражу оказалось слишкомъ много, и мы изъ огня попали въ полымя: пѣли, надрывая горло, такую массу пѣсенъ, якобы старыхъ, что мы ужъ не знали, какъ и отдѣлаться, а бойкая и голосистая дѣвка Арина все приставала: «знаемъ ли мы вотъ эту, ндравится ли эта? вотъ я еще зачну вамъ одну.»

— Ты смотри, Арина, ты не очень,—говорили ей другіе.

— Чего не очень то?—я себя помню, соблюдаю, я только спросить, ндравится ли—слышь, говорятъ, ндравится,—кричала она охрипшимъ голосомъ сосѣду такъ, какъ будто была отъ него на сто саженъ.

— То-то ндравится, гляди ужъ у тебя нѣту свѣту въ глазахъ, въ воду не упади!

Это послѣднее обстоятельство легко могло случиться, такъ какъ вся отяжелѣвшая компанія сидѣла на перилахъ, устроенныхъ для нашего ребенка, а не для здоровыхъ бабъ и мужиковъ, которыхъ было теперь цѣлыхъ полдюжины: подъѣхали еще баба и еще другая, тетка Арины, обѣ какъ будто непьющія, отъ водки отказавшіяся, но потомъ, якобы по принужденію, выпившія по

нѣсколько рюмокъ «смѣлости». Увеличенная компанія, рѣшивши, что и въ самомъ дѣлѣ перегородка, устроенная «только для блезира», не выдержитъ ихъ, размѣстилась на середкѣ палубы и заголосила пуще прежняго, такъ нестройно, что послѣ нѣсколькихъ призывовъ къ порядку, пришлось отправить ихъ по домамъ.

— Еще меня возьмите,—приставала къ женѣ моей, совсѣмъ уже охрипшая Арина — вѣдь это все мои пѣсни, все черезъ меня. Я завтра къ вамъ на цѣлый день приду, всѣ пѣсни перепою. Они вѣдь только изъ-за рюмки вина — шептала она на ухо такъ, что всѣ слышали—а я, какъ есть, настоящія! Все спою, мнѣ не нужно ни денегъ, ни вина.

Эта «настоящая» и вся компанія усѣлась въ лодку и съ пѣснями же поѣхала домой, за рѣку—издали пьяные голоса не рѣзали ухо, а напѣвы были оригинальны.

Жена моя записала кое-что, между прочимъ «я вечоръ дружка милова упимала ночевать». Надобно замѣтить, что почти всѣ слышанныя старыя пѣсни поются въ предѣлахъ квинты, съ неизбѣжнымъ протянутымъ спускомъ на концѣ, тѣмъ самымъ спускомъ, который я слышалъ въ народныхъ пѣсняхъ средней Индіи—вонъ откуда онъ идетъ!

6-го іюня.

По утрамъ я обыкновенно отправлялся писать этюдъ и закусывалъ у батюшки, съ которымъ бесѣдовалъ о разныхъ матеріяхъ, потомъ снова занимал-

ся. Жена моя пріѣзжала за мной на лодкѣ и располагалась на берегу, на песочкѣ, гдѣ малютка играла. Потомъ мы ловили рыбу, или я стрѣлялъ, большею частію неудачно, такъ какъ ружье очень раскидывало, а затѣмъ мы возвращались къ себѣ на барку. Въ нашъ бредень попадается только мелкая рыба: щучки, окуньки и разная мелюзга. Въ мережки — довольно крупные язи; въ ближнемъ прудѣ мы наловили превкусныхъ карасей, бреднемъ же.

Удивительно живучи здѣшнія дикія утки: вчера ударилъ по парѣ, сѣвшей недалеко отъ нашей барки: селезень улетѣлъ, а его дама, немного поднявшись, снова упала и шибко поплыла прочь. Я ударилъ еще и еще—заряды видимо попали, такъ какъ она оба раза встряхнулась, но все плыла. Я сѣлъ на лодку, догналъ утку, выстрѣлилъ еще разъ, но вся избитая, она стала нырять, да такъ подолгу, что потерявъ терпѣніе, я воротился ни съ чѣмъ.

«Все равно, что бѣлки, которыхъ мы стрѣляемъ», говорилъ мнѣ мужикъ; «ужъ изрѣшетишь ее, кажется бы издохнуть, анъ нѣтъ—она все цѣпляется за вѣтки».

Въ здѣшнихъ мѣстахъ бьютъ много бѣлокъ, а на рѣкахъ ловятъ не мало выдръ; ловятъ лисицъ, больше тенетами; бьютъ оленей, сохатовъ (лосей) и волковъ. Волковъ много, но такъ какъ правительство не даетъ больше премій за ихъ хвосты, то ихъ бьютъ теперь меньше. Бьютъ и медвѣдей. Два мужика нынче осенью убили пару славныхъ медвѣдей и

продали въ Красноборскѣ: за одну шкуру имъ дали 50 рублей. Мясо оказалось сальное—его увезли въ Петербургъ, на окорока.

Одинъ изъ убившихъ разсказывалъ мнѣ, что перваго звѣря они застали устраивающимъ себѣ берлогу: снѣгу было еще мало, онъ рвалъ мохъ и таскалъ на вырванное вѣтромъ съ корнемъ дерево—около корня навалилъ хворостины, да мохомъ и устилалъ. Выпади на работу хорошій слой снѣга—ему бы было бы славное жилье, да вотъ люди помѣшали: выстрѣломъ переломили Мишкѣ заднюю ногу и, когда онъ свалился, добили. Другого Таптыгина потревожили уже изъ берлоги—онъ выскочилъ сердитый, бросился на стрѣлявшаго въ него ближняго мужика, вышибъ изъ рукъ ружье, но увидѣвъ второго крестьянина, обратился въ бѣгство. «Пуля-то попала въ почку, объяснилъ мнѣ охотникъ, такъ ему тоскливо стало, не до мужика — только бы уйти куда поспокойнѣе». Крестьяне выслѣдили звѣря на утро другого дня—онъ началъ было драться, но тутъ ужъ его доколотили.

* * *

О многихъ вещахъ и словахъ здѣсь не то понятіе, что въ городѣ: наприм. баба жалуется, что мужъ ея пятый годъ болѣетъ, сохнетъ, семьѣ не можетъ помогать, либо на печкѣ лежитъ, либо побирается. «Вотъ и теперь ушелъ съ дѣвочкой на чужую сторону просить».

— Зачѣмъ же ты дѣвушку-то отпускаешь съ нимъ, вѣдь она привыкнетъ попрошайничать, не захочетъ потомъ работать — говорю я ей, разсуждая по-городскому.

— Ой, что-ты, завсегда рада будетъ работѣ; ты думаешь легко побираться-то? Ходишь, ходишь деньденьской, подаютъ-то здѣсь мало, измучаешься— отдохнешь на работѣ-то. . . . .

Эта женщина продала намъ сдобные колобки, вкусные, только украшенные фигурами изъ отпечатковъ пальцевъ, что отнимало аппетитъ

Бабы часто подъѣзжали къ нашей баркѣ на своихъ лодочкахъ, иногда наполовину залитыхъ водой, съ молокомъ, масломъ, яицами, которое продавали сходно. Одна женщина съ причитаніемъ и подвываніемъ сообщила о своемъ горѣ.

— Вотъ поила, кормила дитё, а его до смерти зашибло!

— Кого зашибло?

— Сынка моего убило.

— Гдѣ же его убило?

— А на плотахъ ушелъ, да приколомъ и зашибло, такъ дали два рубля, да на параходѣ и прислали—хушь бы фершала изъ Краснаго Бора, да не поѣдетъ онъ—бѣдны мы.

— Такъ сынокъ-то твой еще не умеръ?

— Гдѣ умеръ, зачѣмъ умеръ—зашибло его только, убило—самъ не свой теперь лежитъ.

Я вызвался помочь горю и написалъ фельдшеру

именемъ исправника, чтобы онъ пріѣхалъ осмотрѣть зашибленнаго крестьянина, да и самъ сходилъ его посмотрѣть.

Съ помутившимися глазами и уродливо вздутой щекой парень сидѣлъ на лавкѣ и сплевывалъ въ кадушку набѣгавшую слюну. Если онъ и не былъ «убитъ», какъ увѣряла его мать, то расшибленъ крѣпко. «Недѣльки двѣ пролежишь», обнадежилъ я молодца «а тамъ Богъ дастъ и на ноги встанешь». Но пріѣхавшій фельдшеръ нашелъ, что челюсть въ двухъ мѣстахъ переломлена и ударъ отразился на всемъ организмѣ, такъ что пожалуй придется не двѣ недѣли вылежать, а цѣлый мѣсяцъ и не дома, а въ больницѣ.

* * *

Не только деревенскія дѣвочки, но и бабы и мужчины просятъ иногда позволенія у жены моей посмотрѣть на куклу нашей малютки—простую куклу, купленную въ Москвѣ за рубль. Дѣти просятъ позволенія потрогать и, дотронувшись до глаза, говорятъ: «ишь ты, каменный!»

Они разсказываютъ, что когда наша барка пришла, въ народѣ не мало было толковъ о томъ, съ чѣмъ она. Кто говорилъ—съ мукой, кто съ краснымъ товаромъ, и всѣ ждали, что мы откроемъ торговлю.

Дѣвочки, игравшія на пескѣ съ нашей малюткой, не мало подивились, когда узнали, что ее зовутъ Лидочкой: «Лизаньку» онѣ допускали, но при имени Лиды фыркали и смѣялись въ кулачки. Между дѣ-

вочками есть и робкія и бойкія, и наивныя, и немножко надутыя — тѣ, что побогаче. Такъ про одну разсказывали, что она богатая, что у нихъ большой, зеленый съ красной крышей домъ, а сама счастливица хвастала, что у ней есть каменная кукла и башмаки съ пуговками, и что она всегда ѣстъ много конфетъ «потому что больше всего любитъ конфеты и орѣхи».

— Кто же даетъ тебѣ конфеты?

— Бабушка.

Про другую говорили, что родители ея тоже богачи, но скупые—конфетъ ей не даютъ.

Жена моя дала имъ нѣсколько конфетокъ — раздѣлились, какъ слѣдуетъ: «спасибо тебѣ, моленая, прощай, моленая».

Вообще мы жили тутъ недурно. Питаніе наше было сносное: яйца покупали по 10 к. за десятокъ, дешевле не продаютъ, потому что время отъ времени мужикъ обходитъ деревни и всѣ забираетъ, для отсылки въ Архангельскъ. Курицъ, изъ-за яицъ, не продаютъ т.-е. требуютъ баснословную по здѣшнему цѣну— отъ 40 до 50 коп.; пѣтухъ—15 коп. Мясо мы брали въ Красноборскѣ по 8 коп. за фунтъ—по здѣшнему дорого, такъ какъ настоящая цѣна ему 5 коп. Черный хлѣбъ—по 2 коп. за фунтъ, бѣлый—по 4; послѣдній дуренъ, киселъ. Молоко по 3 коп. за крынку; крынка не велика, но молоко очень хорошо, такъ какъ скотъ пасется на заливныхъ лугахъ. Водка, цѣна которой въ Москвѣ 40 коп., здѣсь 50, да еще 7 коп. за бутылку, итого 57 коп.; мы, впрочемъ,

ее покупали не для нашихъ желудковъ, а для навертывавшихся иногда гостей. Бѣлье мы посылали на лодочкѣ въ Красноборскъ, гдѣ мыли не дурно и не дорого, круглымъ числомъ по 2 коп. за штуку, считая въ томъ числѣ нѣсколько крахмальныхъ рубашекъ, только все вымытое отдавало соленой рыбой—я объяснялъ это тѣмъ, что прачка ѣла селедку передъ складываніемъ его, жена же моя полагала, что это отъ здѣшняго мыла.

Надобно сказать и о помянутыхъ уже колобкахъ, сходныхъ съ деревенскими сдобнушками, только тѣ приготовляются изъ пшеничной муки и на сливочномъ маслѣ, а эти изъ яшной и на сметанѣ; ихъ продаютъ по копейкѣ за штуку.

Иногда мы варили уху изъ пойманной бреднемъ мелкой рыбы—люди наши варили ее свѣжую и вялили, въ большомъ количествѣ. Цѣнъ мы не портили и когда съ насъ просили слишкомъ дорого—не сдавались. Стремительно прилетѣлъ, наприм., мужикъ съ вопросомъ не нужно ли семги, есть рыбка въ 30 ф., есть и поменьше.

— А почемъ?

— Да 40 коп., за 35 пожалуй отдамъ, за 35 продавалъ, вотъ здѣсь на свадьбу брали.

— Ну и давай тебѣ Богъ, а мы больше 30 коп. не дадимъ.

* *
*

Много разсказывалъ батюшка о раскольникахъ и объ его мученіяхъ съ ними. Когда время рожденія

Церковь въ Бѣлой Слудѣ.

дѣтей, крещенія, потомъ свадебъ миновало, пожилой крестьянинъ открыто объявляетъ себя раскольникомъ, перестаетъ пускать къ себѣ попа: я, дескать, раскольникъ, не міранинъ.

— Что ты, какой ты раскольникъ, ты у меня записанъ въ книгахъ православнымъ!

— Никакъ нѣтъ, я уже 20 лѣтъ въ расколѣ.

Если священникъ настаиваетъ, единомышленники подъ присягой покажутъ, что дѣйствительно такой то уже 20 лѣтъ состоитъ въ расколѣ, при чемъ назовутъ и совратителя его, кого-нибудь изъ умершихъ, чтобы не подвести подъ взысканіе.

Приходится священнику усовѣщивать, уговаривать, но это никогда не дѣйствуетъ; затѣмъ нужно или скрывать этотъ переходъ въ расколъ или заявить о немъ консисторіи, а то и другое—опасно.

Когда умираетъ раскольникъ, какъ уже помянуто, за рублевку или трешницу, смотря по большей или меньшей сомнительности случая, всегда можно получить свидѣтельство объ естественности смерти и правѣ на погребеніе—сплошь и рядомъ смерть отъ побоевъ въ пьяномъ видѣ, смерть беременной женщины отъ удара въ животъ и т. п. остаются въ этихъ случаяхъ неразъясненными.

Окончивши мое занятіе, мы распрощались съ семьей священника. Сторожъ Марко, получивши отъ меня рубль за услуги, такъ былъ тронутъ, что, отступивши два шага, рухнулъ въ ноги: дай Богъ тебѣ того, дай Богъ тебѣ другого, при чемъ не по-

забылъ пожелать «тысчевъ» за мою работу—должно быть отъ батюшки слышалъ онъ о томъ, что художники зарабатываютъ своимъ трудомъ «тысчи».

* *
*

Къ слову сказать, устье той рѣчки, въ которой мы стояли, такъ обмелѣло, что мы должны были перевести барку въ русло Двины, а въ послѣднiй день я едва проѣхалъ къ церкви и обратно, даже на плоскодонной лодкѣ. По всему широкому устью натыканы колья для ловли рыбы и благодаря множеству этихъ заторовъ, задерживается и откладывается такая масса песку, что устье мелѣетъ съ каждымъ годомъ и никто объ этомъ не заботится, никому нѣтъ дѣла *).

Поднявши якорь, мы, благодаря свѣжему вѣтерку, прошли подъ парусомъ нѣсколько верстъ до Красноборска, благополучно извернувшись между островками, при чемъ любовались нашей баркой, хорошо слушавшей руля.

Оказалось, что пароходы Кострова, обѣщавшiе доставлять нашу корреспонденцiю, до сихъ поръ намъ ничего не привезли; по какой причинѣ—неизвѣстно; не невозможно, что, такъ какъ мы стояли все время въ сторонѣ отъ пароходнаго пути, письма, намъ адресованныя, прогулялись въ Архангельскъ и обратно.

Андрей, исправляющiй у насъ должность повара,

*) Не только о мелкихъ рѣченкахъ, притокахъ и о самой Двинѣ заботъ немного, напр. вѣхи, поставленныя весною, не передвигаются и въ iюлѣ, несмотря на то, что рѣка безпрерывно мѣняетъ русло.

комердинера и проч., увидѣлъ на проходившемъ мимо грузовомъ пароходѣ своего родственника, молодого парня, одной съ нимъ деревни, ѣхавшаго на заработки въ Архангельскъ.

Такъ какъ недавно еще онъ рекомендовалъ намъ именно его на услуженіе, въ Москву, то теперь захватилъ и привелъ съ собой: берите, коли вамъ нужно, а коли нѣтъ, то онъ поѣдетъ дальше, въ Архангельскъ. Парень лѣтъ 17 — 16 глядѣлъ не дурковато, и мы, приговоривши его за 7 рублей въ мѣсяцъ, отправили черезъ Сольвычегодскъ въ Москву. Кстати воспользовались случаемъ отправить домой черезъ Сольвычегодскъ телеграмму, на которую скоро получили отвѣтъ о благополучіи всѣхъ своихъ.

11-го іюня мы съѣхали на берегъ и прошлись по Красноборску, что было событіемъ для мѣстечка: на насъ смотрѣли изъ оконъ домовъ и изъ дверей лавочекъ. Въ одну изъ лавочекъ, лучшую, мѣстнаго богача Воронина, мы зашли для кое-какихъ покупокъ. На просьбу дать краснаго вина, намъ вытащили огромную бутыль якобы «кавказскаго вина» — въ сущности бурды изъ родныхъ ягодъ — черники и брусники — съ разными примѣсями. За неимѣніемъ лучшаго пришлось купить этого «кизлярскаго», смирновской фабрикаціи. Все другое, что понадобилось, не исключая рябиновой настойки, оказалось плохого качества, да и недешево. Ловкій хозяинъ любезно освѣдомился объ нашемъ имени, объявилъ, что слышалъ о немъ, радъ познакомиться,

готовъ служить, и въ то же время щелкалъ на счетахъ такъ исправно, что въ итогѣ оказалась маленькая переплата на все—даже на баранки.

Очень хороши здѣсь свѣже-просольныя сельди, идущія изъ Архангельска и продающіяся дешево—80 коп. за боченокъ въ 35 фунтовъ.

Мнѣ думается, что Красноборскъ имѣетъ будущность: покамѣстъ, какъ близкій и отъ Устюга и отъ Сольвычегодска, онъ за штатомъ, но это не мѣшаетъ ему обстраиваться; каждый годъ въ немъ бываетъ нѣсколько ярмарокъ и не далѣе, какъ съ 20 іюня начинается большой торгъ скотомъ.

Я ѣздилъ на подошедшій отъ Устюга пароходъ «Сѣверъ», съ капитаномъ котораго уже былъ знакомъ по прошлому году—чтобы узнать, нѣтъ ли наконецъ намъ писемъ. Оказалось, что опять ничего нѣтъ. Между прочимъ я попросилъ передать поклонъ владѣльцу пароходовъ—Кострову въ Устюгѣ.

— Зосимъ Васильевичъ Костровъ, отвѣтилъ капитанъ, приказали долго жить.

— Какъ такъ? Да вѣдь двѣ недѣли тому назадъ я видѣлъ его въ Вологдѣ совсѣмъ здоровымъ.

— Они и были какъ будто здоровы, поѣхали по дѣламъ въ Казань, да и отдали Богу душу.

Къ готовящейся въ Красноборскѣ ярмаркѣ начали подвозить товаръ, но въ послѣдній день нашего тутъ пребыванія его было еще мало—по причинѣ заговѣнья; по той же причинѣ не было мяса; треска и сушеная рыба были. Расписныхъ бураковъ, мѣстной работы,

которыми Красноборскъ славится, тоже было не много—и мы купили нѣсколько штукъ по двугривенному, хотя обыкновенная цѣна 9—10 коп. Бураки эти очень удобны, въ нихъ можно держать рѣшительно все, до молока и воды включительно. Изъ глиняной посуды тоже пришлось взять, что было—почти безъ выбора. Между прочимъ меня заинтересовалъ складной стулъ старой формы, на которомъ одинъ почтенный торговецъ сидѣлъ передъ своею лавкой: на предложеніе продать мнѣ его онъ любезно согласился уступить за 20 коп.

Мы совершенно случайно напали здѣсь на сливочное масло самаго высокаго качества: оказалось, что нѣкто г. Турковъ, посланный министерствомъ земледѣлія, только недавно выучилъ приготовлять годное для перевозки сливочное масло, чего прежде здѣсь не умѣли. Такъ какъ пастбища тутъ вдоль всего берега превосходныя и молоко очень вкусное, то надобно думать, что Красноборское масло скоро получитъ извѣстность и въ столицахъ. Мы взяли только одинъ фунтъ за 35 коп., но потомъ пожалѣли, что купили мало—такъ оно было хорошо. Тутъ же взяли и русскаго топленаго масла по 18 коп. за фунтъ, тоже очень порядочнаго. Изъ рыбы запаслись только налимами; стерляди хоть и были, но рыбакъ отказался продать: «Голова», вишь, велѣлъ оставить для ожидаемаго пріѣзда губернатора и министра. «Продалъ бы, да не могу: обѣщалъ—слово дороже денегъ. Разъ тутъ я сдѣлалъ этакъ, тоже губер-

наторъ проѣзжалъ—такъ было дѣла-то, насилу отговорился!»

Запасшись провизіею, мы подняли якорь и поплыли подъ парусомъ такъ спокойно и ходко, что сидя на палубѣ благодушествовали, приговаривая: «ахъ, какъ славно, что за прелесть, что за рѣка!» Даже комары, обыкновенно надоѣдливые, пропали отъ вѣтерка; по той же причинѣ не чувствовалось и жары—воздухъ былъ чудный, мягкій. Виды, на уходившихъ назадъ берегахъ, мѣнялись, а краски спокойной воды, отражавшей небо и облака, превосходили всякое описаніе.

Идиллія наша нарушилась тѣмъ, что мы приткнулись къ мели, и людямъ пришлось слѣзать въ воду и работать шестами. Остановившись у островка, я съѣздилъ въ село Пермогорье, расположенное на очень крутомъ лѣвомъ, берегу, Двины. Деревянная церковь тутъ хоть и была видимо подновлена, но ея затѣйливая архитектура сулила кое-что интересное. Однако интереснаго оказалось мало, все передѣлано, окрашено, озолочено. Молодой, недавно поставленный батюшка, провелъ меня въ свой домъ и захотѣлъ непремѣнно призвать, находившуюся гдѣ-то по сосѣдству, молодую матушку. Въ ожиданіи ея и неизбѣжнаго самовара, онъ разговорился о себѣ и своихъ прихожанахъ. Приходъ богатый, въ немъ до двухъ тысячъ душъ мужскаго пола. Священниковъ двое: одинъ уже преклонныхъ лѣтъ, вдовецъ, живетъ рядомъ; другой, самъ онъ, видимо поучив-

шійся, энергичный, но любящій покурить—по его собственнымъ словамъ, раскольники говорятъ: всѣмъ хорошъ попъ, только табакъ куритъ.

Замѣчу по этому поводу, что и вправду въ приходахъ, гдѣ есть старовѣры, священнослужителямъ слѣдовало бы воздерживаться отъ табака, а между тѣмъ молодые попы, туда назначаемые, какъ болѣе дѣятельные, большею частію всѣ курятъ: на пароходахъ, пристаняхъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, въ этой сторонѣ, молодой священникъ прежде другихъ не вытерпитъ, чтобы не вынуть портсигара и не закурить.

— Не вы ли, батюшка, занимаетесь? спрашиваю, указывая на гитару.

— Такъ точно, отвѣтилъ онъ, и по моей просьбѣ сыгралъ два, три мотива такъ деликатно и красиво, что впору любому мастеру-гитаристу. Пріятно видѣть священника не формалиста, дозволяющаго себѣ примѣшивать къ своему дѣлу немножко бездѣлья; впрочемъ на гитарахъ играютъ многіе и не дурно.

— «Насъ, объяснилъ онъ мнѣ, сюда посылаютъ, какъ въ ссылку, при началѣ служенія, будто на искусъ—кругомъ никакого общества».

Мнѣ однако эта ссылка показалась не тяжкою: мѣстоположеніе высокое, красивое, кругозоръ огромный, вправо и влѣво далеко на горизонтѣ теряется широкая Двина; кругомъ поля и нѣсколько деревень, при этомъ недурное хозяйство и молодая женка—чего же больше? Раскольниковъ здѣсь немного—около двухъ

сотъ, но они довольно крайнихъ толковъ,—такихъ крайнихъ, что нельзя привести разсказовъ обо всѣхъ чудачествахъ, у нихъ практикуемыхъ—чудачествахъ, глубоко захватывающихъ семейную жизнь: многому я просто не повѣрилъ бы, если бы собесѣдникъ мой не имѣлъ вида обстоятельнаго, хорошо освѣдомленнаго о предметѣ, человѣка.

Отсюда недалеко село Кулига со старою деревянною церковью и высокою деревянною же колокольней. Я послалъ на земскую станцію за лошадьми, чтобы съѣздить туда, а въ ожиданіи мы занялись, съ подошедшей матушкой, чайкомъ на свѣжемъ воздухѣ, рядомъ съ домомъ, въ бесѣдкѣ. Мнѣ объяснили, между прочимъ, что слово «кулига» означаетъ поселеніе въ сторонѣ—не даромъ мы встрѣчаемъ четвертую или пятую деревню этого имени.

Здѣшніе старовѣры, по словамъ священника, не держатся строгихъ правилъ; такъ, между прочимъ, они крѣпко осуждаютъ вино, а недавно въ Красноборскѣ, идя мимо дальняго кабачка, я увидѣлъ —говорилъ онъ—двухъ главныхъ наставниковъ и заправителей старовѣровъ, попивавшихъ винцо на свѣжемъ воздухѣ, съ однимъ изъ мірскимъ.

— Что же, они посовѣстились васъ?

— Кто ихъ знаетъ, я имъ сказалъ: здравствуйте, святые отцы!—Отвѣтить, ничего не отвѣтили.

Какъ я выше замѣтилъ, приходится обойти молчаніемъ особенности и крайности здѣшняго раскола. На мой вопросъ священнику, что они дѣлаютъ

для противодѣйствія этимъ ученіямъ, онъ отвѣтилъ: «Ничего, никакихъ средствъ у насъ для этого нѣтъ: я былъ у Преосвященнаго, разсказывалъ обо всѣхъ непорядкахъ и просилъ дать мнѣ противовѣсъ, на основаніи котораго я могъ бы имъ отвѣчать, но онъ, выслушавши, только и сказалъ: «нечего на это отвѣчать—это скоты, настоящіе скоты!»

* * *

Пара лошадокъ съ звонкимъ колокольчикомъ понесли меня къ старой колокольнѣ, оказавшейся не въ шести, а въ восьми верстахъ отсюда. Пока я ѣхалъ большой дорогой—скачки и прыжки телѣги еще были сносны, но когда мы свернули на проселокъ, началось какое-то повертываніе и вывертываніе тарантаса во всѣ стороны—того и смотри, что вотъ-вотъ вылетишь!

— Да осторожнѣе, чортъ побери, вывернешь меня, кричу мужику.

— Нѣтъ, зачѣмъ вывернуть, какъ можно вывернуть, отвѣчаетъ онъ—бьетъ по лошадямъ, и дѣйствительно, благополучно проскакиваетъ косогоры, рвы, ручьи, мостики, трясины.

— Ѣзжалъ ли когда по этой дорогѣ исправникъ? спрашиваю.

— Нѣтъ, не ѣзжалъ; ждали въ прошломъ году, да не былъ. По большому то тракту ѣздитъ начальство, а сюда не завертываетъ.

А вѣдь, казалось, слѣдовало бы кому нибудь

наблюдать за проселочными путями сообщенія—это въ полномъ смыслѣ слова то же, что мелкіе кровеносные сосуды въ кровообращеніи: не будутъ они въ исправности—весь организмъ захирѣетъ. Кому бы, казалось, какъ не министерству путей сообщенія имѣть надзоръ за путями сообщенія, но оно заботится только о желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогахъ, а на то, что на грунтовыхъ ломаютъ руки и ноги, ломаютъ оси и колеса, застаиваются въ грязи по ступицу цѣлые караваны телѣгъ—совсѣмъ не обращаетъ вниманія. Выходитъ, что пудъ муки, наприм., стоитъ на рѣкѣ 60—70 к., а на сто верстъ въ сторону 1 р. или 1 р. 10 к.—это не торговля, а систематическое обираніе у бѣднаго люда тѣхъ небольшихъ излишковъ, какіе у него случаются... только благодаря бездорожицѣ.

Мѣстность совершенно оправдываетъ свое названіе «Пермогорье», т. е. продолженіе Пермскихъ горъ—съ большими домами, крытыми широкими крышами, она напоминаетъ Швейцарію, въ ея невысокихъ частяхъ. Дорога все время идетъ съ горы на гору и черезъ какія мостовыя сооруженія приходится переѣзжать—того не видѣвшій и не повѣритъ. Бревенчатая настилка, наприм., по которой я переѣзжалъ плотину у мельницы, представляла самое первобытное сооруженіе и надъ такимъ опаснымъ мѣстомъ, что даже ни передъ какими рытвинами не задумывавшійся ямщикъ мой взялъ лошадей подъ уздцы и тихо, осторожно провелъ тутъ, по животрепещущимъ жердочкамъ. Вообще ямщики справедливо объѣзжаютъ

мосты, часто спускаясь отъ нихъ въ ручьи по брюхо лошади—подальше отъ грѣха!

Здѣсь невольно вспомнишь анекдотъ о всероссійскомъ проселочномъ мостикѣ: «деревенская грунтовая дорога, по ней протекаетъ ручей, черезъ ручей перекинутъ мостикъ; проѣзжающій проваливается на этомъ мостикѣ, конечно сердится и въ ближней деревнѣ выговариваетъ старостѣ: «это ни на что не похоже, вы ничего не смотрите, и земство ваше ничего не дѣлаетъ, я буду жаловаться!»—«Да вѣдь и ты хорошъ—отвѣчаетъ староста, вѣдь ты видишь, что передъ тобою мостъ, а ѣдешь!...»

Я набросилъ на полотно, красивую, интересную, деревянную колокольню «кулиги»: это очень высокая постройка, съ рѣзными украшеніями, качающаяся при сильномъ вѣтрѣ, но еще крѣпкая—трудно вѣрить, чтобы колокольня эта была поставлена въ царствованіе царя Ѳеодора, какъ гласитъ о томъ надпись, уцѣлѣвшая въ маленькой деревянной же церкви.

Почтенный священникъ просилъ у Преосвященнаго разрѣшенія сломать старую церковку съ чудесною колокольнею и надѣялся, что разрѣшеніе это ему скоро будетъ дано, но я уговорилъ его строить свой новый храмъ по сосѣдству, старину же пощадить.

Мы вышли изъ Пермогорья къ вечеру. Я пробовалъ дѣлать наброски красками, но комары и мошки такъ донимали, что сдѣлалъ немного.

На берегу стоялъ рыбачій шалашъ: мы крикнули, спросили, есть ли рыба и, на отвѣтъ, «есть» — я выѣхалъ на лодкѣ, купилъ пару стерлядей и посадилъ въ нашъ маленькій садокъ; конечно, такая рыба въ столицѣ стоила бы не полтора рубля, за нихъ заплаченные, а по меньшей мѣрѣ—десять.

Вѣтеръ сталъ крѣпчать и полный штиль перешелъ въ крупную зыбь, такъ что насъ начало прибивать къ берегу; туда же стало прибивать и два плота рядомъ съ нами шедшіе. Здѣсь я въ первый разъ понялъ опасность, которой подвергаются плоты при вѣтрѣ, также и опасностъ отъ самихъ плотовъ, когда они начинаютъ нажимать на лодки и небольшія суда: мы шли по теченію вдоль крутого берега, толкаясь шестами, когда люди съ плотовъ неистово бросились въ лодки и, перерѣзая намъ дорогу, стали зачаливать на берегу канаты—«задавимъ васъ; задавимъ»! кричали они намъ. Я еще не сознавалъ опасности, но мои люди встрепенулись и всѣ, не исключая соннаго рулевого, проявили необычайную энергію: одинъ человѣкъ бросился на берегъ и изъ всѣхъ силъ налегъ на бечеву; другіе два стали работать шестами, чтобы проскочить раньше передняго плота, уже начавшаго нажимать на насъ, угрожавшаго или раздавить, или выбросить насъ на берегъ.

Жена моя была въ каютѣ и слышала только крики «задавимъ, задавимъ», но не понимала въ чемъ дѣло. Я стоялъ на палубѣ, на рулѣ, и, признаюсь, былъ спокоенъ, такъ какъ разсчиталъ, что успѣемъ проскочить.

Мы дѣйствительно благополучно прошли, но двѣ сажени за нашимъ рулемъ, громадный плотъ, задержанный причаломъ, ударился о берегъ съ такою силой, что бревна на сажень вылѣзли на крутизну — справедливо говорили намъ вслѣдъ: «эхъ, счастлива лодочка, что ускочила!»

Еще часа два мы шли на шестахъ при сильномъ вѣтрѣ, обходя песчаную косу; потомъ на поворотѣ явилась возможность поставить парусъ—и мы направились къ недалекому отсюда селу Черевкову. Уже ночью, во время нашего сна, лодка приткнулась къ берегу, и на другой день, мы собрались въ богатое, славящееся по всей окрестности, селеніе.

Вся Черевковская волость, очень зажиточная, вытянулась полукругомъ на возвышенностяхъ, вдоль лѣваго берега рѣки, имѣя село въ серединѣ. По праздникамъ бываетъ тутъ большое движеніе, торгъ, собирается много народа съ этой и сосѣднихъ волостей. Въ селѣ не мало богатыхъ крестьянскихъ домовъ, разукрашенныхъ вычурной манерою, до которой охотники всѣ разбогатѣвшіе лавочники и, къ сожалѣнію большинство духовенства. Домъ и лавка одного изъ здѣшнихъ богачей особенно изобилуютъ такими украшеніями; на бѣду ими же покрыта и недавно передѣланная, большая, старая, очень интересная церковь, объ которой я слышалъ еще въ Москвѣ—ревнители благолѣпія сломали древнія украукрашенія XVII вѣка, замѣнивши ихъ ярко-раскрашенными, раззолоченными новыми; пробили новыя

окна затѣйливаго вида и даже на диво толстый сосновый лѣсъ въ трапезѣ церкви густо выкрасили бѣлой масляной краской. Какъ мы слышали, прихожане, между которыми много раскольниковъ, пытались спасти старину, но причтъ, поклонникъ благолѣпія въ новѣйшемъ вкусѣ, настоялъ на своемъ и привелъ старую постройку «въ порядокъ». Лавочникъ Пироговъ—имя богача радѣтеля—можетъ гордиться такою реставраціею — жаль, что ни съ чьей стороны не наложили уздечки на его усердіе и памятникъ старины почти погибъ подъ рѣзьбою, масляными красками и сусальнымъ золотомъ.

Въ Черевковской волости есть богатые люди, крестьяне Гусевы, владѣющіе, какъ говорятъ, «большимъ капиталомъ», но ихъ дома не имѣютъ задорныхъ украшеній, покрывающихъ хоромы Пирогова: это высокія, длинныя постройки, двѣ трети которыхъ заняты товарными складами, а остальная треть, въ нѣсколько этажей, комнатами. Послѣднія выкрашены снаружи яркой зеленой краской, а «внутри убраны такъ, что никакимъ городскимъ не уступятъ» — по словамъ везшаго насъ крестьянина.

Гусевыхъ нѣсколько семействъ: кажется, два брата, да два или три племянника—и у всѣхъ дома одного типа, одного размѣра; даже у всѣхъ жилыя помѣщенія выкрашены тою же зеленою краской, съ бѣлыми ставнями. Судя по разсказамъ, Гусевы должны быть дѣйствительно оборотистые люди: простые Черевковскіе крестьяне, они, въ противоположность

Сольвычегодскимъ капиталистамъ, торгующимъ сахаромъ, горчицей, баранками и проч. мелочами, ведутъ широкую оптовую торговлю: хлѣбомъ, льномъ, скотомъ, кожей и т. п., посылая большія партіи всего этого заграницу. Съ хлѣбомъ въ нынѣшнемъ году вышла странная исторія: сначала крестьяне продавали—и Гусевы вывозили отсюда, а теперь, такъ какъ оказался недохватъ, покупаютъ, и Гусевы—ввозятъ; вывозили по дорогой цѣнѣ, привозятъ по дешевой—народъ оказался въ выгодѣ, а перекупщикамъ убытокъ; мелкіе, говорятъ, пораззорились.

Здѣсь откармливаютъ быковъ, посылаютъ и внутрь Россіи и черезъ Архангельскъ заграницу. Хорошій откормленный быкъ стоитъ до 50 рублей, хорошая корова около 30; и тѣ и другія низшаго сорта—гораздо дешевле. Такъ мы встрѣтили мужика и бабу, гнавшихъ съ Красноборскаго базара 2-хъ коровъ: одна, очень недурная, была куплена за 16 рублей, другая похуже за 12; хорошая лошадь рубляхъ въ 50. Встрѣчаются и стоющія 70 рублей, но такихъ мало, обыкновенная-же крестьянская лошадь въ 20, 30 рубляхъ. Осенью, разумѣется весь скотъ дешевле, чѣмъ весной.

Льна увозятъ изъ этихъ мѣстъ не очень много, но кожъ Гусевы скупаютъ большое количество. Привозятъ массу соленой рыбы изъ Архангельска.

«Отъ дѣлъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ», говоритъ пословица — и Гусевы, исключая

одного изъ семьи, слывутъ за людей прижимистыхъ, тугихъ на копейку.

* * *

Замѣчу мимоходомъ, что въ этихъ мѣстахъ большая часть общеупотребительныхъ словъ совершенно разнится отъ русскихъ, средней полосы Имперіи. Для примѣра: баской—красивый, тарокъ—вѣтеръ, гнусъ—гадость, бабу́шки—игрушки, зобенька—карзинка и т. д.

* * *

Мы познакомились въ Черевковѣ съ мѣстнымъ докторомъ, любезно снабдившимъ насъ нѣсколькими лѣкарствами. Фамилія его Богоявленскій—это развитой молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ; пріятно было встрѣтить въ его маленькой, уютной квартиркѣ столичные журналы и газеты. Онъ получаетъ 1500 рублей въ годъ и имѣетъ даровой разъѣздъ; частной практики, я разумѣю, платной, нѣтъ, такъ какъ дѣло приходится имѣть преимущественно съ крестьянами. У него подъ командой 11 фельдшеровъ, 6 бабокъ и 2 ветеринарныхъ фельдшера—ветеринарная часть тоже лежитъ на земскомъ врачѣ. Это небольшое число врачебнаго персонала должно лѣчить отъ всевозможныхъ болѣзней и эпидемій на протяженіи трехъ-четырехсотъ верстъ!

Фельдшера, на всемъ своемъ, получаютъ 25 рублей въ мѣсяцъ, при чемъ въ квартирѣ обязаны имѣть отдѣльную комнату для пріема больныхъ.

Бабка получаетъ 15 р. и постороннихъ доходовъ имѣетъ мало, такъ какъ деревенскія женщины обходятся больше повитухами.

«Я шелъ, разсказывалъ докторъ, по внутреннимъ и глазнымъ болѣзнямъ, а здѣсь приходится дѣлать рѣшительно все—самыя трудныя, самыя сложныя операціи, до дробленія плода у родильницы, включительно».

Докторъ сознавался, что онъ часто становится втупикъ и, считая себя недостаточно подготовленнымъ, собирался оставить мѣсто и ѣхать въ столицу доучиваться. Я, напротивъ, крѣпко совѣтовалъ ему не покидать своего поста. «Вы заняли уже его, сожгли ваши корабли, отступать нельзя—смѣло идите впередъ, учитесь здѣсь, на практикѣ: на всякій интересный случай въ столицахъ множество охотниковъ, а здѣсь самая разнообразная практика вся въ вашихъ рукахъ—пользуйтесь».

Я обратилъ его вниманіе на то, что съ научною подготовкой, какую онъ уже имѣетъ, слѣдя за спеціальною медицинскою литературой—на столахъ у него видны были книжки ея—онъ не только не отстанетъ отъ столичныхъ товарищей, какъ боялся, а скорѣе опередитъ ихъ: многимъ ли изъ нихъ выпадетъ на долю возможность разпознавать, распутывать самыя сложныя заболѣванія, дѣлать самыя интересныя операціи?

Я вспомнилъ при этомъ и разсказалъ о моемъ пріятелѣ, петербургскомъ окулистѣ, профессорѣ Юнге, сказавшемъ разъ, про только что вышедшаго изъ его

кабинета паціента, что онъ, докторъ, готовъ заплатить больному за право операціи—изъятія глиста изъ глазного зрачка:—«Это всего 5-ый случай въ медицинской практикѣ и я радъ буду дать ему 300 рублей, коли онъ дозволитъ ввести большую, длинную иглу и заколоть животинку, которая видимо росла и постепенно все болѣе и болѣе затемняла зрѣніе».

Правда, что обстановка, въ которой приходилось работать доктору Богоявленскому, была неважная: въ избѣ больницы, наприм., должны были помѣщаться 8 кроватей, но, по кубическому размѣру воздуха, этого немыслимо сдѣлать, и стоятъ всего 4 кровати—значитъ, мужскихъ и женскихъ отдѣленій имѣть нельзя.

— Какъ же вы дѣлаете, неужели позволяете лежать вмѣстѣ?

— Нѣтъ, это невозможно, а беремъ тѣхъ, кого больше въ данное время заболѣваетъ, наприм. когда много пришло женщинъ—женщинъ однихъ и принимаемъ, а мужчинамъ ужъ отказываемъ; случается наоборотъ—женщинамъ отказываемъ.

До какой крайности скудны средства, отпускаемыя на медицинскую часть, можно судить потому, что докторъ высмотрѣлъ тутъ же недалеко двѣ большія избы, обѣ годящіяся для дѣла, но за одну надо платить 110, а за другую 120 рублей въ годъ—вмѣсто теперь платимыхъ 70—и о такой небольшой прибавкѣ онъ уже 4 мѣсяца ждетъ отвѣта.

— «Представьте себѣ, говорилъ онъ, что не-

давно я пріѣзжаю къ родильницѣ, мучающейся уже 6-ой день—у нея торчитъ ручка, за которую тащила повитуха—страданія, понятно, страшныя. Случай трудный—предстоитъ дробленіе и выниманіе по частямъ плода. Я тщательно дезинфекцирую инструменты, раскладываю ихъ на столѣ и только что приступаю къ больной, какъ въ открытое окно влетаетъ курица, за ней другая—и начинаютъ прохаживаться по инструментамъ—есть отчего въ отчаяніе придти—снова надо все чистить, дезинфекцировать, а больная стонетъ, чуть не умираетъ. Впрочемъ, она жива и до сихъ поръ».

Одно, что нѣсколько искупаетъ всѣ недочеты—это дешевизна жизни—есть возможность отложить на черный день.

Я крѣпко поддерживалъ энергію молодого доктора, уговаривалъ не поддаваться чувству недовольства собой, весьма понятному въ добросовѣстномъ человѣкѣ.

— Въ концѣ концовъ, говорилъ я ему, все сдѣлается, какъ вы желаете: послѣ плодотворной практики здѣсь, вы скопите денегъ и уѣдете въ столицу провѣрять добытыя знанія, доучиваться по книжкѣ. Незнаю убѣдилъ ли его.

О санитарномъ состояніи уѣзда докторъ разсказывалъ просто невѣроятныя вещи; кромѣ болѣзней, обусловленныхъ бѣдностью, дурнымъ питаніемъ, есть цѣлыя волости, зараженныя сифилисомъ, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мужчины уходятъ на промыслы. Пильщики, наприм., ежегодно вносятъ

массу заразы въ свои и безъ того уже зараженныя деревни; жены принимаютъ ее отъ нихъ, передаютъ дѣтямъ, а дѣти въ свою очередь сообщаютъ другъ другу и большимъ.

Всякіе заразные больные, отъ сифилиса до тифа, тащатся въ больницы Сольвычегодскую и здѣшнюю Черевковскую изъ-за двухъ, трехъ и даже четырехсотъ верстъ, и когда мѣста нѣтъ—что сплошь и рядомъ случается—возвращаются съ порошками или съ пузырькомъ лѣкарства назадъ.

— Да пусти ты, батюшка, полежать-то у тебя—плачется доктору баба—самъ увидишь каково мнѣ, вся изныла: днемъ и ночью покоя нѣтъ!

— Нѣтъ мѣста говорятъ тебѣ—получай лѣкарство и уходи.—Уходить приходится часто за полтораста, за двѣсти верстъ!

Когда поѣздивши въ нашей провинціи, ознакомишься съ положеніемъ медицинскаго, школьнаго и др. «дѣлъ»—дѣлается совѣстно за то, что столько силъ и вниманія общества отдается столичнымъ сплетнямъ, картамъ и иностранной политикѣ. Бѣдствіе деревни отъ болѣзней, невѣжества, пьянства и неизбѣжнаго ихъ послѣдствія—бѣдности, такъ велики, что требуютъ полнаго и немедленнаго вниманія.

Какъ только встрѣчаешь старую постройку, хоть простую деревенскую избу, такъ, видишь, что работа дѣлалась прежде лучше, чѣмъ нынче: конь-

ки, узорныя полотенца, удобныя крылечки. Какъ новая изба богатаго мужика—такъ полная безвкусица: всюду кудрявые завитки, безъ пользы и безъ смысла. Отчасти это можно, мнѣ кажется, отнести къ тому, что теперь трудъ очень раздѣлился: прежде тѣ же руки, что рубили избу и украшали ее—украшали просто, разумно, въ мѣру. Нынче срубитъ избу одинъ, а украсить поручитъ другому, ловкачу своего дѣла, работающему буквально по пословицѣ: «за вкусъ не берусь, а горячо будетъ».

Я съѣздилъ отсюда въ село Едому по убійственной болотной дорогѣ—тамъ тоже деревянная церковь, которую хотятъ ломать. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ полученъ указъ Преосвященнаго разрѣшающій сломку—и еслибы не прихожане, старающіеся отстоять свою старую святыню, давно бы и слѣда ея не осталось...

Трудно и пересчитать сколько дорогого, живого историческаго матеріала стерто съ лица земли, въ Вологодской губерніи.

Можетъ быть читающій улыбнется на мои причитанія, но я настаиваю на нихъ, такъ какъ считаю, что страна наша бѣдна памятниками родной старины, и намѣренно уничтожать ихъ—значитъ осмысленно налагать руку и на русское искусство и на русскую исторію.

Въ середу, 16 іюня, ѣздилъ еще въ Едому, гдѣ написалъ этюдъ трапезной двери, расписанной орнаментомъ.

Кстати замѣчу, что «Едома» означаетъ глушь, чащу: здѣсь говорятъ—«зашелъ въ такую едому, насилу и выбрался»! Напротивъ, когда изъ глуши выбираются на просторъ, говорятъ: «выбрался на русь».

По дорогѣ опять заѣзжалъ въ больницу, еще разъ подивился на убогость этого заведенія, служащаго центромъ медицинской помощи для околодка въ три, четыре французскихъ департамента: одна каморка подъ аптекой, маленькая прихожая, всегда съ нѣсколькими пришедшими бабами, и еще двѣ, опять таки не комнатки, а каморки, для больныхъ. Потолки низкіе, окна крошечныя, воздуха мало, хотя убранство приличное.

— Худо ли, хорошо ли, говорилъ докторъ, все таки это еще губернія съ земскими порядками, а вотъ поѣдете дальше, гдѣ нѣтъ земства, тамъ еще хуже; тамъ есть кое-какая медицинская помощь, только около города; въ уѣздѣ же, въ деревнѣ совсѣмъ нѣтъ никакой—повитухи, знахари и колдуны...

По словамъ доктора, дурное питаніе и дурной уходъ выращиваютъ мѣстами настоящую породу дѣтей-кретиновъ—съ огромными вздутыми животами, кривыми ногами, блѣдными лицами, золотушными организмами, а отъ сифилиса цѣлыя деревни вырождаются—пора придти на помощь!

* * *

Отваливши отъ Черевкова, мы подняли парусъ и ходко пошли дальше, внизъ.

Только что передъ нами прошелъ казенный пароходъ изъ Вологды, какъ говорили, съ губернаторомъ и съ однимъ или двумя министрами, проѣхавшими въ Архангельскъ, для рѣшенія направленія будущихъ желѣзныхъ дорогъ въ краѣ.

Опять мы любовались чудеснымъ закатомъ солнца, и такъ какъ вѣтеръ стихъ, то пошли на веслахъ. Мы спустились въ каюту, а люди наши, крѣпко поработавши ночь, подъ утро встали подъ крутымъ берегомъ села Верхней Тоймы.

Я пошелъ познакомиться съ мѣстнымъ священникомъ и нашелъ его на улицѣ, загоняющимъ съ работникомъ свою телушку. Мы сходили въ церковь, заурядную, мало интересную постройку, и я узналъ, что старая, деревянная церковь, тутъ же рядомъ стоявшая, сломана нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сломана просто потому, что была деревянная, не довольно благолѣпная. Только что передъ этимъ, проходя по крутому берегу, я нашелъ у церковной ограды чудесную деревянную рѣзную скамеечку и теперь услышалъ, что это единственная вещь, уцѣлѣвшая изъ сломанной церкви. Была и другая такая же, но она съ большимъ количествомъ разнаго стараго «хлама» сожжена.

— Эта тоже скоро развалится, прибавилъ батюшка, мальчишки уже не разъ ломали ее, а мы сколачивали — они потѣшаются, сбрасываютъ ее съ кручи.

— Что же вы не поставите ее въ церковь? Она преинтересная, хорошей работы, её стоитъ сохранить.

— Можно ли ставить въ церковь такую рухлядь!

— Такъ отдали бы ее въ какой-нибудь музей.

— Съ удовольствіемъ отдалъ бы, все равно она пропадетъ у насъ.

— Есть музеи въ Москвѣ и Петербургѣ—пошлите въ любой.

— Куда тутъ посылать—ящикъ дѣлать, да за перевозку платить. Такъ, развѣ возьметъ кто-нибудь.

— Я возьму, внесу въ церковь деньги.

— Сдѣлайте милость, дайте, что хотите, чего вамъ не жалко?

— Дамъ 25 рублей.

— Это просто кладъ намъ сваливается съ неба.

Я вынулъ деньги и подалъ, попросивши ни мало не медля обмотать скамью веревкой и снести ко мнѣ на барку — я боялся, какъ бы батюшка не передумалъ, а онъ, взявши деньги, ушелъ такъ стремительно, что видимо боялся, какъ бы не передумалъ я.

— Мало ли что мы сдѣлаемъ для церкви на эти деньги! сказалъ онъ.

Въ деревнѣ скоро узнали, что я заплатилъ 25 рублей за ничего нестоющую скамеечку, которую деревенскіе ребята катали съ берега, и послѣдствіемъ этого было то, что со всѣхъ сторонъ стали являться мужики и бабы, преимущественно послѣднія, съ предложеніемъ купить то, или другое: «слышали, что ты покупаешь старину, берешь ли старое серебро? старыя деньги? надо ли галуновъ на выжигу?

Клиросъ старой церкви, Верхней Тоймы.

Серегъ стали приносить цѣлыя дюжины. Я объяснилъ, что по ремеслу я не торговецъ и если что покупаю, такъ для себя.

— Знаемъ, знаемъ, для видимости значитъ.

— Ну да, для видимости.

Къ вечеру того же дня я былъ обладателемъ полудюжины паръ серегъ, нѣсколькихъ цѣпочекъ и перстней, рѣзного стула, помѣченнаго 1717-мъ годомъ, двухъ рѣзныхъ скамеекъ и нѣкоторыхъ другихъ вещей. Бабы такъ и валили. Каждый разъ, какъ я или жена моя сходили съ барки, онѣ толпой окружали насъ: изъ-за пазухи вытаскивались сверточки, и корявые, трудовые, дрожавшіе пальцы вынимали домашнія сокровища—сплошь и рядомъ порядочную дрянь: пуговицы, пряжки, сломанныя сережки, сверточки галуновъ, монеты Екатерининскаго, Александровскаго и Николаевскаго царствованій, неизвѣстно, какъ попавшіе въ ихъ руки франкъ и жетонъ какого-то Берлинскаго клуба, также разный ломъ. Приходилось возможно вѣжливо отказываться отъ этихъ рѣдкостей, но отдѣлаться было не всегда легко: «да чтожъ ты у меня то ничего не купилъ, возьми хоть что-нибудь. Слышали, ты дивно покупаешь, а отъ меня ничего не принялъ. Мои то серьги развѣ хуже другихъ будутъ!» Когда я уходилъ, хватались за мою жену, пробуя сначала выхвалить достоинства товара, а потомъ разжалобить своей нуждой: «нѣтъ хлѣба, ребятишки ѣсть хотятъ, бѣднота! хоть бы мучки купила, бараночку бы снесла». Совали

портву, полотна, полотенца, крашенину и уходили совсѣмъ разочарованные: «такъ не берете? а мы чуяли, что все забираете».

Являлись со старыми деревянными, продырявленными ковшами, подойниками, кокошниками, сундуками и никакъ не хотѣли мириться съ тѣмъ, что вещи эти нетребуются. Пришелъ крестьянинъ съ нѣсколькими трехногими тонетовскими стульями и другой съ новенькой бороной—и мы невольно разсмѣялись, а продавцы огорчились.

Вечеромъ я ѣздилъ къ сосѣднимъ рыбакамъ и купилъ небольшую семгу въ 15 фун. Часть сварили, а остальное посолили — и вареная и соленая рыба вышла на диво вкусная. Жители столицъ и городовъ, ѣдящіе лососину, какъ и стерлядей, сонными, лежалыми или замученными въ садкахъ, представить себѣ не могутъ деликатности и тонкости вкуса ея, только что пойманной! Не понятно какъ семга, заплаченная здѣсь 15 к. за фунтъ, продается въ Москвѣ и Петербургѣ свѣже-просольною по 70 и 80-ти. Надобно замѣтить, что большая часть продаваемой за семгу рыбы, въ сущности—лохъ, близкій къ семгѣ, но худшій по качеству мяса. Лохъ имѣетъ крюкъ на нижней губѣ, чего у семги нѣтъ. Лохъ продавался здѣсь по 10 коп. за фунтъ.

Воскресенье, 19 іюня.

Я поѣхалъ въ сторону, въ Гавриловскую волость, къ истокамъ Пинеги, за 120 верстъ, гдѣ мнѣ хотѣлось посмотрѣть на прославившееся въ окрестности дере-

Рѣзная скамейка.

вянное изображеніе св. Николая Чудотворца, въ человѣческій ростъ. Нѣсколько тамошнихъ жителей разсказывали намъ преданіе, что въ старыя времена Святой изнашивалъ пару сапоговъ въ годъ, но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ священникъ, поскупившись на новые сапоги, подшилъ только подошвы къ старымъ— чудо перестало совершаться. Одинъ изъ разсказывавшихъ это, молодой парень, поѣхалъ со мной для услугъ дорогою и между прочимъ передалъ кое-что о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ въ этихъ мѣстахъ, ихъ охотахъ и промыслахъ.

Осенью онъ ловитъ рябчиковъ на петлю и бьетъ изъ ружья—добываетъ такимъ образомъ отъ 50 до 200 штукъ, продаетъ скупщику, а зимой нанимается къ этому скупщику везти дичину въ Петербургъ. Скупщики платятъ охотникамъ отъ 20 до 50 коп. за пару, смотря по году. Одинъ хозяинъ посылаетъ обыкновенно отъ 5 до 10 возовъ, на каждомъ возу до 5000 рябчиковъ. Въ большомъ спросѣ хвосты глухарей, какъ извѣстно имѣющіе форму лиры: за нихъ платятъ по полтиннику за пару, потому что, какъ увѣрялъ мой спутникъ, ихъ вывозятъ за границу «на показаніе».

Съ товаромъ пріѣзжаютъ въ Петербургъ, на Сѣнную площадь и продаютъ только гуртомъ, такъ какъ жить и проѣдаться въ Питерѣ дорого. Въ прошломъ году, напр., отправитель дичины покупалъ по 35 коп. за пару, а продавалъ по 48. Глухари шли по 70 коп. за пару.

Путь съ верховьевъ Пинеги въ Петербургъ и на-

задъ беретъ около 2 недѣль, а хозяинъ платитъ за доставку воза 30 рублей — плата небольшая, ибо на прокормъ 4-хъ лошадей, отъ 4-хъ возовъ и одного при нихъ человѣка нужно истратить отъ 80 до 90 рублей. Сани, стоящія на мѣстѣ 2 руб., какъ широкія, неудобныя, идутъ развѣ только на дрова, за 40—50 коп. штука. Продажа лошадей, за исключеніемъ той, разумѣется, что нужна для обратнаго пути, также въ убытокъ.

Кромѣ рябчиковъ охотникъ убьетъ сотню или двѣ бѣлокъ, идущихъ среднимъ числомъ по 20 коп. за штуку. Бьютъ куницъ, хотя меньше. Есть лисицы, выдры, медвѣди, волки—этихъ послѣднихъ сравнительно мало. Есть, впрочемъ, мѣста, гдѣ ихъ много и ужь такъ много, что нѣтъ отъ нихъ покоя ни людямъ, ни животнымъ—хватаютъ собакъ изъ-подъ воротъ!—Медвѣдей выслѣживаютъ осенью, когда они устраиваютъ себѣ берлогу, а иногда бьютъ по первому снѣгу. На нихъ ходятъ всегда втроемъ, вчетверомъ, съ ружьемъ и рогатиной—ружьемъ начнутъ, рогатиной кончатъ.

«Одинъ разъ», разсказывалъ парень, «когда отецъ мой и два другіе охотника спугнули и убили выскочившаго изъ берлоги большого медвѣдя, слѣдомъ за убитымъ вылѣзъ второй, бросившійся бѣжать, а за этимъ—еще третій, тоже было скрывшійся; однако догнали и убили всѣхъ, хоть за послѣднимъ и пришлось бѣжать цѣлыхъ 5 верстъ». Конечно, по ровному мѣсту медвѣди ушли-бы, но по

Чудотворная икона Св. Николая.

глубокому снѣгу звѣрь поминутно проваливается, а мужики, бѣгущіе на лыжахъ, скользятъ, меньше устаютъ.

Шкуру перваго изъ этихъ медвѣдей продали за 50 рублей въ Петербургѣ, также какъ и мясо всѣхъ трехъ.

Бьютъ оленей и лосей; шкуры у нихъ хорошія, но мясо лосиное волокнисто, не вкусно.

На рябчиковъ ходятъ со свистулькой, на которую птицы или откликаются, или прямо летятъ. На петли нынче запрещаютъ ловить, хотя все-таки ловятъ, ублаготворяя только лѣсное начальство.—Въ лѣсахъ, во время промысла, живутъ по нарочно построеннымъ избушечкамъ, съ полками вокругъ, на которыхъ и сохраняется дичь. Всякой птицы теперь становится много меньше, также какъ и разнаго пушного товара, такъ что промышлять дѣлается съ каждымъ годомъ труднѣе и труднѣе. Вдобавокъ лѣсное начальство дѣлается строже—и воровать лѣсъ трудно....

По ужасной лѣсной дорогѣ, которую нельзя не только описать, но и представить себѣ, мы пріѣхали въ село Вершину, съ церковью, напоминающую Бѣлослудскую, и потомъ выѣхали дальше.

Перо отказывается описывать дальнѣйшій путь—все лѣсами удѣльнаго вѣдомства а потомъ и казенными—это что то до того первобытное, запущенное, заброшенное, что врядъ ли что-либо подобное есть въ какомъ-нибудь другомъ царствѣ. Утѣшаютъ тѣмъ, что прежде было еще хуже, что лѣтъ 20 тому назадъ по этимъ болотистымъ мѣстамъ возили людей и грузъ

лошадями же, но въ лодкахъ и не иначе, конечно, какъ шагомъ. За то же ѣзда тогда была дешева, а теперь земская почта беретъ большія деньги и двигаетъ тѣмъ же шагомъ! Путь состоитъ изъ бревенъ вершинника, брошенныхъ черезъ дорогу, въ разстояніи, примѣрно аршина, одно отъ другаго, такъ что колеса телѣги или тарантаса все время ударяются, стукаются, подскакиваютъ. Иногда огромное дерево преграждаетъ путь, приходится объѣзжать стороною, по кочкамъ и никто не заботится о томъ чтобы разчистить путь — единственное начальство, урядникъ, живущій верстахъ въ 40 — 50, занимается охотою, рыболовствомъ, хлѣбопашествомъ но не службою.

Есть станціи «въ волокѣ», т.-е. въ лѣсу, гдѣ грязная изба содержателя лошадей и навѣсъ для телѣгъ составляютъ, на десятки верстъ кругомъ, единственныя жилыя постройки. Лошади ходятъ въ волокѣ съ сильными бубенцами на шеѣ, чтобы не потеряться.

Изъ-за дождя пришлось переночевать въ одномъ изъ такихъ убогихъ, грязныхъ помѣщеній и съ великимъ трудомъ, постоянно рискуя вывалиться и все переломать, я добрался къ вечеру втораго дня до устьевъ Пинеги.

На бѣду и церковь и самая прославленная икона оказались мало интересными, такъ что, «я не солоно похлебавши», лишь съ однимъ небольшимъ наброскомъ, повернулъ назадъ. Принявши героическое рѣ-

шеніе не обращать вниманія на толчки и скачки телѣги, я разостлалъ свой тюфякъ и подушки, впрегъ пять лошадей, пообѣщалъ ямщикамъ хорошую «на водку» и поскакалъ—скакалъ такъ, что, кажется, всю жизнь буду чувствовать слѣды ѣзды по Пинежскимъ болотамъ.

23-го іюня.

Село Верхнее Тойма расположено на очень крутомъ берегу Двины; по подъему лѣпятся лавки, въ будни по большей части запертыя, но бойко торгующія въ воскресные и базарные дни. Старикъ плотникъ, дѣлавшій намъ ящикъ для разной купленной старины, увѣрялъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ подобнаго мѣста: «одинъ человѣкъ, бывшій въ Петербургѣ, доподлинно говорилъ ему, что красивѣе ихъ Тоймы нѣтъ ничего нигдѣ — какіе у нихъ бываютъ базары! какіе товары! сколько народу»!

Однако набрасываніе типовъ, одеждъ и построекъ не прошло мнѣ даромъ: нашлась кумушка, утверждавшая, что мое писаніе «отъ антихриста» и предупреждавшая тѣхъ, кто приближался къ нашей баркѣ остерегаться питья «теплой водицы», которую мы подносимъ и которая неминуемо должна испортить человѣка. Когда разъ я рисовалъ головной уборъ молодой женщины и намъ подали кофе, а жена моя предложила бабѣ выпить чашку—та съ живостью отказалась и ушла, вѣроятно подумавши: «такъ и есть, вотъ она теплая-то водица»!

24.

Мы вышли изъ Тоймы, распрощавшись съ многочисленнымъ семействомъ батюшки; надежда на то, что вѣтеръ перемѣнится, не сбылась—онъ задулъ еще пуще, настоящею сиверкою—принесъ холодъ, дождикъ, такъ что мы скоро приткнулись къ берегу и затопили свою печку. Я застрѣлилъ пару куликовъ и ходилъ искать рябчиковъ, которыхъ, по словамъ мальчика пастуха, тутъ бываетъ много, но безъ собаки трудно было ихъ высмотрѣть.

Здѣсь, въ лѣсу удѣльнаго вѣдомства, какъ и въ громадныхъ казенныхъ лѣсахъ на Пинегѣ, я дивился неряшливости и нерадѣнію, съ которыми охраняются лѣсныя богатства. Случалось проѣзжать мѣстами, выгорѣвшими на протяженіе 50 верстъ—пятьдесятъ верстъ хорошаго строевого лѣса! Видны были и тутъ не малыя, испорченныя огнемъ пространства.

«Далеко ли прошелъ пожаръ въ эту сторону», спрашиваю пастуха.

— Верстъ на 10 будетъ.

— А такъ?

— А сюда, на 15. . . .

И то сказать, при 8 человѣкахъ сторожей и объѣздчиковъ на все лѣстничество, кому услѣживать и тушить начало пожара?—пока дадутъ знать въ ближнюю деревню и соберутъ народъ, обыкновенно разбредшійся на работы, огонь успѣетъ обхватить такую площадь, что всѣхъ мѣстныхъ силъ и средствъ не хватитъ, и пожаръ трещитъ, губитъ, пока не

уткнется въ болото или не пойдутъ дожди. Впрочемъ, лѣсъ горитъ и по болотамъ, даже топкимъ—по крайней мѣрѣ я проѣзжалъ большія болотныя пространства, сплошь выгорѣвшія. Обгорѣлый лѣсъ чаще оставляется выгнивать и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ продается на дрова по 40 коп. за кубическую сажень—некому покупать.

* *
*

Тотъ администраторъ, который подниметъ вопросъ объ осушеніи вологодскихъ болотъ, сослужитъ краю хорошую службу. Я говорилъ разъ одному здѣшнему губернатору о томъ невѣроятномъ фактѣ, что въ губерніи, при громадномъ ея пространствѣ и рѣдкости населенія, нѣтъ мѣста для хлѣбопашества и совѣтовалъ подумать о возможности осушки болотъ; но мой глубокомысленный собесѣдникъ отвѣтилъ, что онъ боится, какъ бы не испортился отъ этого климатъ!—возражать что-либо было лишнимъ...

* *
*

Вѣтеръ былъ еще довольно свѣжъ, когда на другой день мы поѣхали дальше. Жена моя и малютка поднялись вмѣстѣ со мной на крутой берегъ, гдѣ ребенокъ рѣзвился, собирая цвѣты; мы тихонько шли, наслаждаясь окружающимъ видомъ рѣки съ одной стороны и сосновымъ боромъ, съ другой—нельзя было довольно надышаться здоровымъ смолистымъ воздухомъ. Идиллія наша скоро была однако нарушена однимъ изъ догнавшихъ насъ людей нашихъ, сообщившемъ о невозможности двигаться

дальше—трудно тянуть изъ-за вѣтра, прибивающаго барку къ берегу, на камни. Признаюсь, я разсердился и отнесъ это заявленіе прямо къ испытанной лѣни моихъ молодцовъ, назвалъ ихъ дармоѣдами, лежебоками и въ свою очередь объявилъ, что если они не пойдутъ дальше и вообще будутъ дѣлать намъ задержки, то мы оставимъ барку и уѣдемъ дальше на пароходѣ—пусть тогда сами на себя пеняютъ!

Мы сѣли на лодку; я всталъ на руль, пустивши всѣхъ людей на бичеву—подняли якорь, но дѣло не двинулось.

Послѣ долгихъ переговоровъ наняли толстую здоровую бабу, по близости работавшую надъ укладкою дровъ, помочь намъ, но и она немного сдѣлала—пришлось отвести бабу на ту сторону рѣки, къ ушедшимъ туда товаркамъ, а самимъ опять встать на якорь.

Къ вечеру я снова попробовалъ выбраться изъ мѣста, гдѣ ничего не было интереснаго—благо четверо рабочихъ, спускавшихся на лодочкѣ въ Архангельскъ, вызвались выручить, протащить 15 верстъ до монастыря Сефтры. Но опять ничего не вышло—ребята побились и отказались, да и мы ради были наконецъ постоять спокойно, не колотиться о камни, что было не безопасно для барки.

Отдохнувши, я на свой страхъ, противъ мнѣнія своей команды, поднялъ парусъ и пошелъ на ту сторону рѣки, а тамъ, попавши въ тихую воду мы пошли бичевой. Потомъ опять поставили парусъ и снова перебрались на правый берегъ. Качка

на серединѣ широкой бушевавшей рѣки была очень сильна, и я зналъ, что коли скорлупу мою захлеснетъ, то жена моя и ребенокъ погибнутъ въ каютѣ, гдѣ отъ сильнаго волненія все валилось и трещало. Жена говорила мнѣ, что она и сама не ложилась эту ночь и малютку не укалдывала, такъ какъ не шутя боялась, что вотъ-вотъ мы пойдемъ ко дну— я уже ранѣе предупредилъ её, что если барку необычно сильно накренитъ—нужно немедленно выбѣгать съ ребенкомъ изъ каюты.

Было такъ холодно, что я озябъ въ полушубкѣ; вѣтеръ ревѣлъ и не давалъ двигаться, но оставаться въ совершенно пустынномъ мѣстѣ было скучно, неинтересно—надобно было выбираться и мы воспользовались новымъ случаемъ прихватить нѣсколькихъ крестьянъ.

Скоро и они стали увѣрять, что выбились изъ силъ, что нужно еще народу, но такъ какъ взять его было неоткуда то, съ грѣхомъ попаламъ, дотащились и съ этими силами до деревни Сефтры, гдѣ бросили якорь.

Берега впадающей здѣсь въ Двину рѣчки Сефтры низки и ярко зелены, что даетъ мѣсту нѣсколько менѣе угрюмый характеръ. Все время передъ этимъ мы шли вдоль высокаго песчанаго берега, покрытаго глухо заросшимъ боромъ, деревья котораго висѣли надъ водою. Земля, постоянно осыпаясь, съ каждымъ годомъ все болѣе оголяетъ корни деревьевъ, такъ что стволъ дерева сначала наклонится, а потомъ и рухнетъ внизъ. Мѣстами корни, изъ-подъ которыхъ осыпалась земля, представляли настоящій шалашъ—де-

рево прозябаетъ тогда, питаясь всего нѣсколькими корнями, листвы на немъ мало, да и та болѣзненная—не яркая, сухихъ вѣтокъ множество, смерть близка—въ будущемъ году склонившійся великанъ будетъ уже лежать на берегу или въ водѣ, вершиной къ низу.

Лѣсовъ здѣсь еще много, но и они, особенно по берегамъ сплавныхъ рѣкъ, начинаютъ рѣдѣть, что отражается на крестьянскихъ постройкахъ: прежніе огромные, двухъэтажные, изъ толстаго лѣса срубленные дома, приходя въ ветхость, замѣняются небольшими тѣсными постройками изъ тонкаго лѣса. Въ старой избѣ восьмивершковый лѣсъ, въ новой—пятивершковый, да и тотъ стоитъ недешево: копѣекъ 25 дерево, съ доставкою, а это не мало для здѣшнихъ, искони богатыхъ лѣсомъ, краевъ.

Отсюда, безъ приключеній, мы перешли къ Сефтринскому монастырю—называемому такъ по бывшему прежде близь церкви общежитію. Дороги здѣсь вдоль рѣки нѣтъ, кромѣ той тропки, что вьется у самой воды, такъ что сообщаются здѣсь либо пѣшкомъ, либо на лодкахъ. Когда я выразилъ желаніе съѣздить по сосѣдству и мнѣ предложили доставить «подводу»—я не сразу понялъ, что придется ѣхать на легкой лодкѣ—которую называли подводой.

Монастырекъ или церковка оказалась лишенная всякаго художественнаго или археологическаго интереса и мы, запаспись стерлядями у Сефтренскихъ рыбаковъ, пошли дальше.

Изъ-за вѣтра, среди дня, пришлось бросить якорь

у островка. Я вышелъ на берегъ, чтобы написать этюдъ рѣки, а жена моя—для прогулки съ малюткою, неустававшею играть на безграничныхъ пространствахъ чистаго, бѣлаго рѣчнаго песочка.

Съ мимо прошедшаго по направленію къ Архангельску парохода намъ усиленно стали махать платками—и мы распознали батюшку изъ Верхней Тоймы съ семьею, ѣхавшихъ, какъ мы догадались, въ Соловецкій монастырь.

Къ вечеру погода стала стихать, и мы двинулись на веслахъ; этою же ночью, когда мы уже спали, люди наши дошли до села Нижняя Тойма, гдѣ и остановились. Я ѣздилъ на другой день въ село Заблудино—нарочно для того, чтобы осмотрѣть и набросить въ записную книжку тамошнюю деревянную колокольню, поразительно схожую съ турецкимъ минаретомъ; для меня это было особенно итересно, такъ какъ я считаю, что восточный стиль имѣлъ большое вліяніе на нашъ русскій.

Кто знаетъ мечети Персіи и особенно Индіи, тотъ согласится со мною, что наприм. храмъ Спасителя въ Москвѣ есть прямое воспроизведеніе знаменитаго Таджъ-магала въ городѣ Агра. Заслуга строителя этого храма, довольно бездарнаго архитектора Тона, въ томъ и состоитъ, что онъ обратился на востокъ—вмѣсто того, чтобы копаться въ моделяхъ запада. Конечно, Тонъ не могъ перенять минаретовъ Таджа, украшающихъ его съ четырехъ угловъ. Однако увидавши недавно первоначальный планъ храма Спа-

сителя, я убѣдился, что вмѣсто четырехъ минаретовъ у нашего архитектора были придуманы на углахъ какія-то пирамидальныя постройки—значитъ заимствованіе съ восточнаго образца полное. Надобно только пожалѣть, что кругомъ московскаго собора не посажено большихъ густыхъ деревьевъ, отъ которыхъ храмъ, теперь глядящій недостроеннымъ, получилъ бы большую законченность.

Воротившись изъ моей экскурсіи я долженъ былъ рѣшить важный вопросъ: что можно заплатить за приведеннаго къ намъ женщиною барашка? Она просила семь гривенъ, а Андрей, крѣпкій на деньгу, утверждалъ, что больше шести давать не слѣдуетъ. Я рѣшилъ дать 65 копеекъ съ тѣмъ, что если барашекъ будетъ вѣсить больше 10 фунтовъ—прибавлю еще пятачокъ. Вѣсовъ не было, и освѣжеванная животинка прошла чрезъ нѣсколько рукъ прежде чѣмъ было рѣшено, что въ ней не менѣе 15 фунтовъ—почему помянутый капиталъ въ 5 копеекъ былъ доданъ.

Отсюда недалеко до Пучуги, послѣдней станціи Вологодской губерніи, за которою идетъ уже Архангельская. Мы шли туда почти всю ночь и прибыли къ утру. Большую часть пути я сидѣль на рулѣ, отчасти для ободренія моихъ людей, предпочитавшихъ сонъ ѣздѣ, отчасти потому, что любовался на тихую воду, въ которой отражались берега съ деревьями и кустарникомъ, также какъ и яркая сѣверная заря, безпрерывно горящая за всю короткую двухъ, трехчасовую ночь. Кругомъ была полная тишина; слы-

шался только плескъ веселъ нашихъ гребцовъ и ихъ тихій разговоръ, да иногда говоръ-же, пѣсня или гармонья доносились съ спускавшихся внизъ лѣсныхъ плотовъ. А то закричитъ чайка; со свистомъ, порывистымъ, безпокойнымъ летомъ, промелькнетъ куликъ, или съ крикомъ, часто, часто махая крыльями, пронесутся кряковыя утки.....

Тихо двигается вода широкой величавой рѣки; глядя на ея движеніе, много и долго думается—такъ долго, что хоть уже за полночь и пора спать, не рѣшаешься разстаться съ палубою—какъ знать, будетъ ли завтра такъ же хорошо?

29 іюня, въ день апостоловъ Петра и Павла, Пучуга справляетъ церковный праздникъ: именинница—старая деревянная церковь, которую мнѣ хотѣлось осмотрѣть прежде всего. Батюшка встрѣтилъ меня подозрительно; пытливо глядя черезъ большія очки, онъ сухо спрочилъ, что я «желаю извлекать изъ церкви»?

— Извлекать ничего не желаю, хочу только посмотрѣть и занести въ записную книжку то, что встрѣчу интереснаго: старое у насъ теперь ломаютъ, въ домахъ все уже уничтожено, кое-что осталось только по церквамъ—вотъ я и хочу осмотрѣть вашу церковь.

— Что-же вы только одну нашу церковь хотите описывать или въ другихъ мѣстахъ занимаетесь?

— Списываю и въ другихъ мѣстахъ.

Я вынулъ дорожный альбомъ и сталъ показывать свои наброски: вотъ обыденная церковь, вотъ дере-

вянная колокольня, вотъ рѣзныя украшенія избъ, а вотъ головной уборъ невѣсты и жениха — лицо батюшки начало проясняться, подозрительность замѣтно стала проходить: онъ попросилъ альбомъ, повертѣлъ въ рукахъ, еще осмотрѣлъ рисунки и, уже спокойно сказавши «извольте смотрѣть, сколько угодно», послалъ за сторожемъ и ключами.

Церковь оказалась интересною выше ожиданія: не очень старая—построена въ концѣ прошлаго столѣтія—она имѣла внутри нѣсколько колоннъ, чисто русскаго стиля, того оригинальнаго фигурнаго стиля, который образовался изъ смѣшенія византійскаго, итальянскаго, персидскаго и чисто мавританскаго—словомъ стиля, наиболѣе замѣчательнымъ представителемъ котораго является московская церковь Василія Блаженнаго. Характеръ этотъ создался заимствованіемъ, но заимствованія не были рабскія и въ общемъ улеглись въ весьма своеобразную форму: остроумный французъ Теофиль Готье говоритъ, что Покровскій соборъ—l'indescriptible Wassily Blajenny—есть произведеніе «вдохновеннаго огородника»—столько въ его формахъ вообще и куполахъ въ особенности воспроизведено дынь, тыквъ, грушъ и т. п.

Русское зодчество приняло и благополучно усвоило византійское вліяніе, которымъ долго питалось, а затѣмъ персидское и вообще восточное; кромѣ того очень сильно повліяла на него Италія—повліяла на столько сильно, что во многихъ частяхъ извратила характеръ построекъ, назначенныхъ для суроваго, рѣзкаго кли-

Церковь въ Пучугѣ.

мата: явились портики и галлерейки безъ оконъ, круглая арка совершенно вытѣснила ломаную, унаслѣдованную отъ дерева. Однако и это заимствованіе хорошо усвоилось зодчествомъ, но его зарѣзало подражаніе въ XVIII столѣтіи иностранному—подражаніе безразсудное—во что быто ни стало и съ этого времени все свое стало осмѣиваться, изгоняться.

Отчего не взять иностраннаго слова, когда нѣтъ въ языкѣ равнозначущаго, для выраженія новаго понятія; отчего не заимствовать подходящую форму въ искусствѣ, если она лучше выражаетъ ту или другую потребность, то или другое стремленіе, но отбрасывать свое, только изъ-за страсти къ чужому—глупо: подъ 30 градусный морозъ у насъ строятъ оштукатуренныя трескающіяся колоннады, въ которыхъ темно, сыро, холодно и.... безлюдно.

Также неразумно ставятъ колонны передъ окнами и тѣмъ заслоняютъ послѣдній свѣтъ: во Франціи и Италіи фасады украшены колоннами—такъ давай и намъ то же! Но вѣдь тамъ свѣта хоть отбавляй, а у насъ зимой его очень мало — приходится въ 2 часа пополудни зажигать свѣчи въ этихъ домахъ съ толстыми колоннами передъ окнами! Явились плоскія крыши, на которыхъ снѣгъ скопляется аршинами. Явились «украшающія фасадъ» окна, раздѣленныя на три этажа: нижній для парадной комнаты; второй для «антресоля» и третій пропускающій свѣтъ снизу—для прислуги. Словомъ, явилась и заняла права гражданства вся та вычурность, отъ ко-

торой болѣе вреда, чѣмъ пользы, и все достоинство которой лишь въ томъ, что она заграничная, «знаменитая». Только теперь снова начинаютъ припоминать и разрабатывать свое—давно пора!

Однако возвращаюсь къ Пучугѣ. Въ виданныхъ мною доселѣ деревянныхъ церквахъ я еще не встрѣчалъ такихъ оригинальныхъ архитектурныхъ частей, какъ помянутыя колонны—двѣ въ самой церкви и двѣ въ трапезѣ; вторыя, какъ подпирающія низкій потолокъ, пузаты, приземисты; первыя высоки, стройны—и тѣ и другія расписаны, но краски уже послѣзли.

Я рѣшилъ остаться на нѣсколько дней, чтобы сдѣлать кое какіе этюды; откладывать это не нужно было, такъ какъ церковь собирались ломать: рѣка подмываетъ крутой берегъ, на которомъ она стоитъ—осталось уже нѣсколько сажень до постройки, а случается, что весенняя вода сразу обрываетъ 3-4 сажени, такъ что не сегодня завтра церковь рискуетъ рухнуть съ высокаго берега въ рѣку.

Въ другомъ мѣстѣ конечно нашли бы возможность урегулировать теченіе рѣки и направить русло ея далѣе, но здѣсь объ этомъ и не думаютъ--трудно, дорого. Здѣсь деревянныя церкви переносятъ по нѣскольку разъ, когда во время догадаются сдѣлать это, а не догадаются, такъ хнычутъ и жалуются на паденіе церкви въ рѣку, какъ недавно было въ Устюгѣ или здѣсь на Двинѣ, въ мѣстечкѣ Ракулѣ.

Впрочемъ, переноска деревянной церкви не составляла бы еще очень большой бѣды — жаль то,

что для избѣжанія необходимости возобновлять сгнившій кое-гдѣ по угламъ лѣсъ, священникъ съ прихожанами рѣшили укоротить бревна, убавить всю постройку; что при этомъ пострадаетъ художественная сторона, извратится характеръ церкви, объ томъ, конечно, не заботятся и, разумѣется, мою настойчивую просьбу «перестроить все въ томъ точно видѣ, какъ есть теперь»—сочли за капризъ и шутку.

Священникъ здѣшній, несмотря на свои 70 лѣтъ, живой и любознательный человѣкъ. Онъ разспрашивалъ жену мою о теперешнихъ модахъ и полюбопытствовалъ узнать, умѣетъ ли она портняжить: парадная ряса его, шитая 10 лѣтъ тому назадъ и еще ни разу не надѣванная, успѣла уже выйти изъ моды, и ему хотѣлось передѣлать ее—изъ широкихъ рукавовъ сдѣлать болѣе узкіе, какъ носятъ теперь. Онъ былъ очень обезкураженъ, когда узналъ, что моя жена не съумѣетъ этого сдѣлать.

«Не смотрите на то, что мы здѣсь такъ живемъ—по настоящему намъ бы слѣдовало жить въ городѣ» говорилъ онъ намъ.—Зачѣмъ?—отвѣтили мы—и въ деревнѣ хорошо.—«Затѣмъ, чтобы деньги проживать, а здѣсь, какъ ихъ прожить?—мы еще съ городскими потягаемся»!

Матушка тоже много говорила о нарядахъ, прическахъ и головныхъ уборахъ и показала намъ нѣкоторыя изъ своихъ платьевъ разныхъ цвѣтовъ и фасоновъ. Почтенный батюшка, вѣрно въ доказательство того, что они могутъ потягаться съ городскими, не

утерпѣлъ, чтобы не вынести всѣхъ шляпъ своей супруги, шляпъ не безъ своеобразныхъ достоинствъ— довольно сказать, что большинство ихъ матушка носила еще невѣстой и молодою, а теперь ей 70 лѣтъ.

Въ здѣшнемъ приходѣ цѣлая третья часть раскольниковъ, къ которымъ священникъ относится не совсѣмъ терпимо: «Не могу, говоритъ, понять и сносить ихъ заблужденій; знаю, что каждаго мною окрещеннаго они снова перекрещиваютъ, но не обращаю на это вниманія—знай себѣ крещу ихъ. Боятся они меня, можетъ быть и сердятся, но я не обращаю вниманія. Который, если давно въ расколѣ, успѣлъ закоренѣть—конечно я оставляю ихъ хоронить его какъ хотятъ, но тѣхъ, что недавно совратились—отпѣваю! Вижу, что они на меня косятся, а все-таки отпѣваю, да отпѣваю— знаю, что мое дѣло право!»

Это первый священникъ, не жаловавшійся на свое положеніе, на недостатокъ средствъ. Правда, что онъ и не обремененъ семьей: единственный сынъ почтенной четы, кончившій курсъ семинаріи прекрасно, въ первомъ пяткѣ, посвященный въ попы, свихнулся на водкѣ, соблазнившей его еще на школьной скамьѣ, а теперь пьетъ безъ мѣры; онъ уже лишенъ мѣста и живетъ безъ дѣла у отца. Это молодой еще человѣкъ, видимо не глупый, остроумный, но съ изможденнымъ лицомъ и постоянно возбужденнымъ, мѣтящимъ въ сумасшедшій домъ,

взглядомъ; онъ имѣлъ уже delirium tremens и, конечно, скоро совсѣмъ кончитъ.

Мы познакомились и съ церковнымъ старостой Пучугской церкви—мѣстнымъ богачомъ Русиновымъ, имѣющимъ въ мѣстечкѣ мелочную лавку и кромѣ того ведущемъ довольно крупныя дѣла по отправкѣ быковъ внутрь Россіи и за-границу, по выдѣлкѣ и продажѣ скипидара, смолы и др. Онъ имѣетъ много живорыбныхъ лодокъ, такъ называемыхъ «поѣзжанокъ», которыя ходятъ по всей Двинѣ, скупаетъ стерлядей отъ рыбаковъ и отправляетъ ихъ въ Петербургъ, на особо приспособленныхъ «тифинкахъ».

Яковъ Дмитріевичъ Русиновъ не старый еще человѣкъ, чисто русскаго типа и склада, живущій буквально полнымъ домомъ—съ доброй, любезной, дебелой женой и цѣлой компаніей взрослыхъ молодцовъ-сыновей, помогающихъ отцу во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ, въ разъѣздахъ и по дому; только младшій сынъ учится, благо есть охота—мальчику 14 лѣтъ и онъ бойко идетъ въ Архангельской гимназіи.

— Ну, а изъ гимназіи куда вы пойдете?—спросилъ я его.

— Въ университетъ!

Семья эта приняла насъ тѣмъ болѣе любезно, что братъ хозяйки, больной, но очень любознательный человѣкъ, по его словамъ, много слышалъ и читалъ обо мнѣ; предупредительность почтенныхъ людей вслѣдствіе этого стала безграничною, и мнѣ

какъ разъ пришлось прибѣгнуть къ ней по слѣдующему обстоятельству: небольшая команда нашей барки задумала маленькую революцію—по крайней мѣрѣ, двое изъ нихъ, два Гаврилы, рѣшили уйти домой, на свои работы, не спросясь, будетъ ли это удобно для насъ. Если бы они не болтали о своихъ планахъ, то, пожалуй, поставили бы насъ въ затрудненіе, но такъ какъ имъ захотѣлось посвятить другихъ въ свои намѣренія, то я во время узналъ о замышлявшемся и принялъ мѣры.

Уже по приходѣ въ Пучугу, я могъ замѣтить, что у нихъ что то есть на умѣ: когда утромъ я кликнулъ человѣка, мнѣ никто не отозвался; на повторенный окликъ—опять никого. Заглянувъ въ людскую каюту и спросивъ Андрея, что значитъ, что онъ не откликается, я получилъ въ отвѣтъ: «Мы не спали ночь, спать хотимъ». Кто не знаетъ, что на водѣ сплошь и рядомъ приходится работать ночью и отсыпаться днемъ; за наши стоянки въ разныхъ мѣстахъ люди всегда могли съ лихвой вознаградить изъяны, наносимые ихъ сну рѣдкими вечерними и ночными движеніями, и развѣ только ненасытный соня, старшій Гаврила, могъ еще считать меня въ долгу въ этомъ отношеніи. Этого Гаврилу я радъ былъ отпустить, но благо надулся и другой—данъ былъ разсчетъ и тому.

Почтенный Русиновъ выручилъ меня, нанявши двухъ молодцовъ, хотя и за большую плату—по случаю страднаго времени.

Драбантъ нашъ Андрей остался послѣ строгой нотаціи съ моей стороны и послѣ его обѣщанія—не строить больше никакихъ каверзъ. Я внушилъ ему, что спать можно будетъ вволю, хоть нѣсколько сутокъ сряду, но что въ дорогѣ случается не безъ ночныхъ работъ и терять терпѣнья не слѣдуетъ. «Полюбуйся вонъ на людей, что ведутъ плоты и за 7—8 рублей въ мѣсяцъ не выходятъ изъ воды, стягивая бревна съ мелей! сказалъ я ему. Если тебѣ не любо, уходи, никто тебя не держитъ! Ты былъ вѣжливъ и послушенъ, а наученный Гаврилами сталъ грубъ—уходи хоть сейчасъ!» Парень, начавшій дѣйствительно съ нѣкотораго времени дурить, подтянулся и обѣщалъ служить вѣрой и правдой. Такъ какъ онъ чистилъ и убиралъ нашу каюту, смотрѣлъ за добромъ и припасами, варилъ и жарилъ, повидимому не направляя въ свой желудокъ и карманъ того, что назначалось въ наши, то мы были рады его рѣшенію остаться.

Впрочемъ, кто безъ грѣха?—попался разъ и Андрей въ кражѣ... пѣнокъ: онъ кипятилъ разъ молоко, на которомъ была густая пѣнка, когда мы вышли изъ каюты и сѣли въ лодку, чтобы ѣхать прогуляться на островокъ; такъ какъ лодочка уже отошла отъ барки, то деньщикъ нашъ счелъ моментъ удобнымъ—но я почему то неожиданно воротился, какъ разъ въ ту минуту, какъ Андрей несъ полную деревянную ложку густыхъ пѣнокъ.— «Что ты тащишь?» спрашиваю его.—«Соръ»—не сморгнувши отвѣчаетъ онъ—ишь насорилось»! и собрался

опрокинуть ложку въ воду.—«Перестань глупости дѣлать, положи пѣнку назадъ въ молоко и никогда не таскай ее!»—Съ этихъ поръ пѣнокъ въ нашемъ молокѣ стало болѣе, но Андрей долго потомъ смотрѣлъ на меня исподлобья.

Въ будущемъ году Андрею предстоитъ идти въ солдаты, и я почти увѣренъ, что онъ попадетъ въ деньщики, такъ вся его фигура и способности гармонируютъ съ обязанностями офицерскаго драбанта. Толстый, съ порядочнымъ брюшкомъ, дѣтина, былъ неисправенъ только по одной статьѣ, чисто внѣшняго благоприличія: при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ чесалъ правой рукой свой животъ, при чемъ лѣвая всегда инстинктивно держалась немного пониже, — извѣстно, что и Венера Медичиская дѣлала то же, когда ей не хватало одежды.

* * *

Церковный праздникъ въ Пучугѣ праздновался довольно исправно—было много пьяныхъ, пѣлось много пѣсенъ. Особенно голосисто разливалась одна полная, кровь съ молокомъ, дѣвица (или молодая баба) выписывавшая по улицѣ кріули, подъ звуки самой современной пѣсни:

Ты голубчикъ мой милашка
Дай скорѣе мнѣ бумажку

. . . .

Я спишу съ тебя патретъ
Какъ другаго нигдѣ нѣтъ.

Мы опять пробовали залучить къ себѣ пѣсенниковъ, но результатъ былъ еще незначительнѣе, чѣмъ въ Б. Слудѣ. Нѣкій Михайло, присланный къ намъ, какъ заправскій пѣвецъ старыхъ пѣсенъ, такъ и не вышелъ изъ круга: онъ не могъ «начать», не будучи, какъ онъ выражался— «въ градусѣ», а очутившись «въ градусѣ» не могъ шевелить языкомъ. Онъ пришелъ къ намъ отъ Р. уже заряженный и выпилъ еще рюмку—мало! Получилъ вторую — и это не помогло. Тогда онъ началъ просить еще, но уже—въ стаканчикѣ.—«Потомъ ужъ я буду въ полной силѣ, тогда ужъ безпримѣнно запою!» — Стаканчикъ однако сдѣлалъ то, что языкъ Михайлы сталъ совсѣмъ заплетаться и хотя подошедшій Р. пробовалъ подбодрить его и самъ начиналъ — ничего не вышло. Рѣшено было, что Михайло возьметъ свой реваншъ на слѣдующій день, для чего и вгонитъ себя въ настоящій градусъ, «какой именно, онъ ужъ знаетъ— знаетъ, что ему нужно—придетъ пѣть и будетъ пѣть и хорошо будетъ пѣть—самыя старыя пѣсни!» — Вышло, что и на другой день пѣвцы не оправдали надеждъ: ихъ пришло 8 человѣкъ, всѣ болѣе или менѣе въ «градусѣ», и пѣли такъ нестройно, что мы рады были поскорѣе отпустить ихъ. Только одна свадебная пѣсня оказалась недурною; остальныя всѣ новой фабрикаціи, съ довольно пошлыми словами.

Давши компаніи рубль, мы думали отдѣлаться,

но не тутъ-то было: разлакомленные, они явились подъ окна дома Русинова, куда мы пошли пить чай, и задали такую серенаду, что самъ хозяинъ принужденъ былъ покрикивать временами изъ окна: «Иванъ, а Иванъ, ты бы братъ—полегче!—Гаврило! что ты такъ кричишь—потише бы, право, тебѣ!»

На праздникъ варили во многихъ мѣстахъ прекрасное пиво, которымъ, разумѣется, и насъ потчивали; такого добротнаго пива не достать уже теперь въ городахъ: только въ деревняхъ, и то лишь по окраинамъ, варятъ еще его, какъ бывало за мою молодость варивали и у насъ въ усадьбѣ. Пиво это немного замѣнило намъ недостатокъ вина, а la longue, начинавшій давать себя чувствовать.

Въ здѣшнихъ трактирахъ есть вино, но конечно вовсе не заключающее въ себѣ винограднаго сока. Не болѣе «настоящій» былъ и «Тенерифъ», который уступилъ мнѣ Русиновъ. На бутылкахъ красовался ярлыкъ гласившій, что это «Grands Vins Russes, dépot J. P. Smirnoff á Moscou», но въ самыхъ бутылкахъ слышны были водка, брусника, карамель и т. п. При этомъ Р. наивно разсказалъ, какъ ему досталось это вино: «Была у меня небольшая партія чернички; покупателя по настоящей цѣнѣ не нашлось, а имъ, Смирнову-то, черничка вѣдь нужна для виннаго дѣла—я имъ и отдалъ ее; бери, говорятъ мнѣ — виномъ. Я взялъ сто бутылокъ, все равно пропала бы черничка у меня на рукахъ».

На кладбищѣ Пучугской церкви много меланхо-

Колонна въ Троице-Пучугской церкви.

лическихъ надписей—вотъ одна: «Прохожій человѣкъ сять отдохни... ночку и подумай самъ по сибе какая жись наша». Другая: «Прохожій ты идешь присять отдохни Накамне у меня Но—я—дома ты въ гостяхъ Сорви Былиночку и подумай О себе.

4 іюля. Мы недалеко еще ушли изъ Пучеги, когда стукъ въ каюту и жалостный голосъ нашего новаго рабочаго Андріана дали знать, что «забыли топоръ!—Какъ быть?»

— Такъ и быть, что привезти его.

— Значитъ—остановиться?

— Нѣтъ, поѣзжай на лодкѣ назадъ—это будетъ тебѣ наказаніемъ: не оставляй другой разъ ничего.

Топоръ оказался лежащимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставили, несмотря на то, что кругомъ былъ народъ. Въ другихъ мѣстахъ, южнѣе, врядъ ли этотъ топоръ уцѣлѣлъ бы—навѣрное оказался бы подобраннымъ какимъ-нибудь «счастливцемъ».

По общему отзыву, воровства здѣсь мало: дома или вовсе не запираются или запираются плохо—и все таки воры не лазаютъ въ нихъ. Къ этой сравнительной безопасности жилищъ надобно отнести то, что здѣсь почти нѣтъ сторожевыхъ собакъ, составляющихъ рѣдкость въ деревняхъ.

Если воровства немного, то пьянство здѣсь, какъ и во всей Россіи, процвѣтаетъ: пьютъ неистово, дико, бѣшено, на послѣдніе гроши, при чемъ, разумѣется, ругаются и сквернословятъ на всѣ лады.

Чтобы ни говорили о томъ, что образованіе не

даетъ счастія, что неграмотный, неразвитой человѣкъ часто счастливѣе учившагося (модныя теперь рѣчи) я думаю, что единственнымъ шагомъ къ смягченію дикаго пьянства, разгула и сопряженныхъ съ ними преступленій, можетъ быть только «книжка»—другого средства не найдутъ—свѣтская учебная книжка.

Въ селѣ Сельцѣ, гдѣ мы остановились, я пошелъ къ обѣднѣ. Деревянная церковь передѣлывалась, красилась изнутри и служба шла въ маленькой каменной, въ которой я натолкнулся на одну изъ вѣроятныхъ причинъ сильнаго распространенія раскола въ этихъ мѣстахъ: молящихся всего было человѣкъ 10—12, преимущественно женщинъ. Древній старичокъ—священникъ служилъ прекрасно, явственно выговаривая каждое слово литургіи, но по старости, не обращалъ вниманія на то, что дѣлалось за спиною, т.-е. въ церкви: молодой мужикъ, замѣщавшій старосту, стучалъ и брякалъ мѣдяками такъ, что заглушалъ слова молитвы; сильно пьяный, онъ не обращалъ вниманія на то, что перегнутая фигура его не представляла сзади стоящимъ ничего назидательнаго. Двое юношей, читавшихъ и пѣвшихъ, перемежали службу смѣхомъ—видимо одинъ изъ нихъ разсказывалъ другому что-то очень смѣшное, потому что временами они хихикали и фыркали.

Я тронулъ одного изъ шалуновъ зонтикомъ и укоризненно покачалъ головой—это подѣйствовало, но не надолго, такъ какъ вскорѣ шутники припя-

лись за старое. Тогда я вошелъ въ алтарь, представился батюшкѣ, какъ пріѣзжій, и попросилъ его прекратить скандальное поведеніе молодыхъ причетниковъ. Онъ очень поблагодарилъ и обѣщалъ, что наказаніе послѣдуетъ тотчасъ же по окончаніи обѣдни—какое наказаніе, мнѣ неизвѣстно.

Въ этомъ богатомъ селѣ, строящемъ большое количество лодокъ, карбасовъ и тифинокъ, особенно много раскольниковъ, конечно не имѣющихъ желанія, при данныхъ условіяхъ, возвращаться въ православіе.

Здѣсь и послѣ въ селѣ Топсѣ, я набросалъ только пару высокихъ церковныхъ крылечекъ, весьма, впрочемъ характерныхъ.

Ничего интереснаго я не нашелъ въ Кургомельѣ, на правой сторонѣ рѣки, гдѣ двѣ старыя церкви издали какъ будто сулили что-то. Батюшка жаловался на то, что ему не дозволяютъ сломать одну изъ его церквей и перестроить— «по новымъ потребностямъ,», какъ онъ выражался. Церкви въ Кургомельѣ стоятъ на крутомъ берегу стараго русла Двины и попасть туда пришлось только послѣ большого объѣзда, во время котораго меня захватилъ сильнѣйшій дождь—грустно было вымокнуть и ничего не найти въ награду за это.

Поздно вечеромъ мы пришли въ Конецгорье—ясно выраженный въ этомъ названіи конецъ горъ. За время пребыванія тутъ на проходившемъ съ сѣвера костровскомъ пароходѣ проѣхалъ назадъ

изъ Соловковъ нашъ знакомый батюшка Верхней Тоймы — онъ опять махалъ намъ платкомъ, и мы проводили его глазами не безъ надежды скоро послѣдовать за нимъ вверхъ по рѣкѣ, т.-е. домой — переѣзды начали уже утомлять насъ.

На утро пришли къ Ростовскому приходу, гдѣ до церкви было верстъ пять пути, по наволоку— опять до крутаго берега стараго русла. Такъ какъ объѣзда не было видно, я пошелъ прямо тропочкой, по травѣ, закрывавшей меня съ головою— вообще заливные луга правой стороны рѣки въ этихъ мѣстахъ превосходные и скотоводство могло бы тутъ процвѣтать. По пути моемъ я обходилъ болота, озерки, перелѣзалъ плетни, вязнулъ, вылѣзалъ изъ трясины и наконецъ порядочно усталый взобрался на высокій берегъ, гдѣ уже высмотрѣли нашу барку и спрашивали меня, съ чѣмъ она: Особенно доняла одна старуха, глухая, какъ я послѣ понялъ. — «Съ чѣмъ у тебя барка?»—Ни съ чѣмъ, отвѣчаю.—«Съ чѣмъ барка-то?»—Ни съ чѣмъ, повторяю.—«Съ чѣмъ барка-то, не пустой,поди ѣдешь?»— Ни съ чѣмъ, прокричалъ я ей на ухо—пустой!

Здѣшній приходъ первый, въ которомъ нѣтъ раскольниковъ: по крайней мѣрѣ ихъ не числится вовсе по спискамъ; въ прежнія времена мѣсто это было не изъ смирныхъ, по словамъ священника: сохранилось не мало жалобъ на обиды, причиненныя ростовцами и между прочимъ одна—сосѣдняго монастыря Царю Грозному—прекурьезная.

Церковь въ Ростовѣ замѣчательно красива снаружи, и я набросилъ ее въ свой дорожный альбомъ; внутри же она не заключаетъ ничего особеннаго. Вообще церкви въ Архангельской губерніи гораздо менѣе интересны Вологодскихъ—вѣроятно это зависитъ отъ того, что край былъ еще совсѣмъ дикій за время ихъ постройки и мѣстнымъ мастерствомъ отличаться онѣ не могли.

Путешествіе наше было здѣсь гораздо пріятнѣе, чѣмъ по дорогѣ къ Пучугѣ. Изъ этого послѣдняго мѣста у насъ былъ небольшой запасъ подсоленой говядины. Куръ, хоть и твердыхъ, можно было достать. Яицъ и молока вдоволь. Стерляди стали еще дешевле, уже 30 коп. за фунтъ, а подмѣрки и по 15. Налимовъ что-то не было; въ началѣ лѣта, говорятъ, они ловились, а теперь перестали попадать; мы съ досадой вспоминали, что было время, когда уха изъ крупнаго налима, съ чудесными молоками, надоѣла до того, что и смотрѣть на нее не хотѣлось.

Я слышалъ, что въ Архангельской губерніи есть цѣлыя деревни, живущія нищенствомъ, а теперь узналъ, что вся Троицкая волостъ, мимо которой мы ѣхали, не брезговала попрошайничать. Въ самомъ дѣлѣ, на берегу, слѣдомъ за нашей баркой, бѣжала орава мальчишекъ и пѣла хоромъ то, что они обыкновенно выпѣваютъ купеческимъ судамъ:

Дай вамъ Господи
Тихаго погодья,
Добраго здоровья,
До города доплыть,

Подешевле купить
На мѣстѣ стать,
Подороже продать.
Милостинки, ради Христа, вывезите!

На лодку нашу и здѣсь смотрятъ съ любопытствомъ «что за посудина?» Мимо проходящія суда, карбасы, плоты непремѣнно окликаютъ: «куда идемъ, что веземъ?»

Надобно удивляться, чѣмъ кормится здѣшній народъ. Я разспрашивалъ во многихъ мѣстахъ, вездѣ одинъ отвѣтъ: «ѣдимъ хлѣбушка!» Ѣдятъ и тухлую рыбу, но не всегда; говядиною же лакомятся такъ рѣдко, что она и въ счетъ не идетъ. Картофель еще мѣстами сажаютъ, но немного и далеко не вездѣ, капусты—нѣтъ, гороху—нѣтъ, луку—также; кое-гдѣ сѣютъ немного рѣпы, по моркови, брюквы, свеклы и др.—и въ заводѣ нѣтъ.—Можетъ быть не родится?—«Какое не родится, просто не стоитъ сажать—тѣ, у кого ничего не посажено, на твоихъ же глазахъ все и вытаскиваютъ съ землей».

Одинъ священникъ говорилъ что «нынче онъ и не пробовалъ сѣять луку потому, что въ прошломъ году все у него повыдергали. Вотъ кабы всѣ посадили, тогда—другое. тогда можетъ быть и не было бы надобности таскать!»

— Почему же всѣ не сѣютъ?

— Не знаютъ, гдѣ достать сѣмянъ.

— Какъ же намъ говорили, замѣтилъ я, что здѣсь народъ честнѣе, чѣмъ на югѣ—что онъ ничего не воруетъ?

— Да по домамъ здѣсь дѣйствительно мало воровства, но таскать изъ огорода—за воровство не считается и дѣлается на виду, днемъ.

— Отчего вы не гоняете, не защищаете свое добро?

— А какъ его защищать-то! прогоню двоихъ, пятерыхъ, придутъ еще 10, 20. Кабы не въ *новинку* было дѣло, пожалуй можно было бы заняться имъ.

Признаюсь, лукъ — новинка, это ужъ черезчуръ большая отсталость: чего же смотрятъ наши сельско-хозяйственныя общества, вольно-экономическое общество, почему бы имъ не придти на помощь? Опять приходится сказать: нужна книжка, образованіе, а не административныя мѣропріятія.

Что касается хлѣба, то онъ здѣсь очень дуренъ и рѣдко гдѣ встрѣчается пропеченный, какъ слѣдуетъ; даже бѣлый—киселъ. Городскія жители совсѣмъ не цѣнятъ такихъ вещей, какъ хлѣбъ; кажется, что онъ всегда былъ, есть и будетъ такой сладкій и вкусный, а вотъ здѣсь прямо невозможно получить некислаго хлѣба. Въ Пучугѣ, по нашей жалобѣ на плохой хлѣбъ, добрѣйшая супруга Р. постаралась—испекла его изъ хорошей муки, не пожалѣвши масла—и все-таки онъ вышелъ кислый

Мнѣ вспоминались горцы западнаго Тибета, которые на вопросъ есть ли у нихъ хлѣбъ?—не задумываясь отвѣчали: «есть» — и показывали кусокъ тѣста—это ихъ хлѣбъ, такъ какъ они не умѣютъ

печь его! Хлѣбъ этотъ лежитъ у нихъ за пазухой, они отрываютъ кусочки и отправляютъ въ ротъ— коротко и ясно.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ здѣсь мы не могли достать молока—коровы даютъ такъ мало, что едва достаетъ на семью—такъ бываетъ во время жаровъ, когда скотъ ничего не ѣстъ, все время отбиваясь отъ мухъ, комаровъ и слѣпней. Луга тутъ много хуже, чѣмъ выше по рѣкѣ; но дальше, къ Архангельску, пастбища опять улучшаются, и скотъ дѣлается лучше, круппѣе и удойнѣе—сказывается вліяніе Холмогоръ. Стало много попадаться чернобѣлыхъ (голландскаго цвѣта) коровъ. Я нѣсколько разъ спрашивалъ и въ хорошихъ, и въ дурныхъ мѣстахъ, сколько доятъ коровы въ сутки, но такъ и не могъ добиться толкомъ: «Кто ее знаетъ, какъ Богъ дастъ, какъ случится», говорили бабы, видимо не желая распространяться объ этомъ предметѣ, чтобы не «сглазить» своихъ животныхъ.

Въ этихъ мѣстахъ есть тоже прославленное чудесами рѣзное изображеніе св. Николая. Всѣ суда благополучно прошедшія пороги жертвуютъ «на масло» угоднику; на пароходахъ объ этомъ заботятся капитаны и съ тарелкой обходятъ всѣхъ своихъ пассажировъ. Намъ разсказывали нѣсколько случаевъ немедленной мести святаго не желавшимъ жертвовать: недавно еще одному судохозяину, поскупившемуся или непожелавшему почтить угодника, вѣтеръ изорвалъ парусъ и перервалъ снасти.

Съ 5-го іюня мы стояли два дня въ Березнякахъ, иначе Семеновскомъ—подъ каковымъ именемъ значится мѣстная телеграфная станція. Послѣдней мы искренно обрадовались и тотчасъ снеслись съ Москвой.

Мѣсто очень бойкое, не столько изъ-за дороги въ Шенкурскъ, сколько по причинѣ прохода здѣсь телеграфа: всѣ барки, плоты, прошедши опасныя мѣста, останавливаются здѣсь и сносятся съ хозяевами, отправителями и получателями; пристаютъ сюда и всѣ пароходы для запаса дровъ, которыхъ тутъ огромное количество.

Въ селѣ 140 душъ мужского пола; какъ и вездѣ здѣсь нѣтъ никакихъ овощей; все населеніе кормится, заработкомъ около пароходовъ: грузитъ, разгружаетъ, торгуетъ молокомъ, яйцами, хлѣбомъ.

Церковь очень обыкновеннаго мѣстнаго типа и сильно подновлена внутри—интереснаго въ ней мало.

На одной изъ остановокъ вижу двухъ бабъ, лежащихъ на берегу, у костра.—Что вы тутъ дѣлаете?—Жду мужа на паромѣ, отвѣчаетъ одна.— Мужъ ея, оказывается, плыветъ на одномъ изъ тѣхъ паромовъ, что мы оставили за собою на дорогѣ; жена, услышавши, что онъ невдалекѣ и скоро подойдетъ, выбѣжала съ сосѣдкой и терпѣливо ждетъ, пока *онъ* соблаговолитъ выкинуть ей рублевую бумажку на пропитаніе семьи изъ пяти дѣтей. Одну рублевку онъ далъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ, да еще за прошлый приходъ, съ плотомъ, привезъ

мѣшокъ муки. Дастъ ли еще рублевку—это вопросъ! Въ ожиданіи парома, бабы мурлыкаютъ пѣсню, поддерживая костеръ, отъ комаровъ. Вездѣ и всюду здѣсь разгулъ, и мужъ обыкновенно пропиваетъ всѣ заработанныя деньги въ ущербъ семьѣ, иногда очень многочисленной, живущей или впроголодь, или нищенствомъ. Такъ какъ безграмотность здѣсь поголовная, то казалось бы, что хваленое счастіе патріархальнаго невѣжества должно бы было обитать тутъ, но на дѣлѣ—иное: счастія и въ поминѣ нѣтъ—нужда, пороки и бѣдность вопіющіе.

Характеръ рѣки здѣсь очень измѣнился: не стало болѣе массы острововъ; русло, вездѣ глубокое, катилось въ крутыхъ берегахъ, поросшихъ густымъ, еловымъ лѣсомъ. Мѣстами берега очень высоки, на нихъ повсюду села и деревни.

Баркою нашей интересовались болѣе и болѣе—люди съ плотовъ, лодокъ и съ берега кричали: «Кто это ѣдетъ? Съ чѣмъ барка? Куда ѣдешь?»

— Я шутя отвѣчалъ иногда: съ селедками!

— Куда сельди?

— Въ Архангельскъ.

— Ну нѣтъ, въ Архангельскъ сельди не возятъ, ворчали въ отвѣтъ... Рыбаки принимали нашу лодку за поѣзжанку, обирающую стерляди и кричали: «Стой! постой! прими рыбу-то!»

— Какая рыба!—перебиваетъ, слышно, другой—не видишь развѣ, баринъ ѣдетъ? И то баринъ, во—стоитъ? По водѣ разговоръ несется далеко.

— Иные шутили: ахъ, хороша у васъ лодоцка, хоросо устроена, не видали еще на Двинѣ такой лодоцки.

Когда вѣтеръ былъ попутный, лодка наша неслась подъ парусомъ съ быстротой парохода—пріятно было ѣхать въ это время, наблюдая смѣну декорацій кругомъ. Только извилины рѣки, часто очень значительныя, задавали работу: приходилось передвигать парусъ, иногда вовсе убирать и потомъ снова ставить; иногда сильный вѣтеръ такъ полоскалъ его, что приходилось опасаться за мачту. Разъ близъ селенія Ельпы, когда мы очень шибко шли— на одной изъ нѣсколькихъ лодокъ, перевозившихъ народъ черезъ рѣку, переѣхалъ намъ путь священникъ. Моя жена едва успѣла замѣтить шутя, что, по примѣтѣ, это сулитъ бѣду—какъ налетѣлъ сильнѣйшій шквалъ, чуть-чуть не вырвавшій парусъ и не положившій барку на бокъ; небо и вода почернѣли, волны запѣнились и насъ понесло на мель, такъ стремительно, что мы поскорѣе бросили якорь. Однако, перемѣнивъ галсъ, мы ушли назадъ и оттуда снова, уже благополучно, прошли мимо мели.

Въ Сійскѣ опять телеграфная станція. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ телеграфъ переходитъ съ одной стороны рѣки на другую, на высокомъ выступѣ берега, водруженъ высочайшій, металическій шестъ, съ котораго нѣсколько проволокъ переброшены на такую же гигантскую поддержку другой стороны. Природа тутъ величественна, берега высоки, круты

и на нихъ растетъ громадный лѣсъ, затемняющій дневной свѣтъ, но шесты, высящіеся надъ всѣмъ, прямо указываютъ на искусство и владычество человѣка.

Здѣсь указываютъ мѣсто на берегу, гдѣ «Петръ I обѣдалъ». Надобно замѣтить, что по всему пути до Архангельска, личность великаго работника очень популярна въ преданіяхъ, и мѣстъ, гдѣ онъ останавливался, насчитывается много. На рѣкѣ Сухонѣ есть огромный камень, на подобіе стола (теперь покривившійся), на которомъ будто бы Царь тоже изволилъ откушать.

Ближе къ Архангельску рѣка стала опять широка и раздѣлилась на два большіе рукава. Тутъ пошли чудесныя пастбища съ извѣстными холмогорскими коровами, цѣна которыхъ очень высока: здѣсь на мѣстѣ скупщики даютъ по 100—150 руб. за голову.

Я сдѣлалъ нѣсколько набросковъ—въ тихую погоду, въ дождь, въ вѣтеръ и въ бурю. Мы ловили бреднемъ рыбу и тихо, но вѣрно двигались впередъ

12-го іюля.

Вотъ, наконецъ, показался и Архангельскъ. Проснувшись утромъ, мы увидѣли передъ собой лѣсопильный заводъ Шергольда и Суркова, со множествомъ судовъ передъ ними—судовъ, которыя принимаютъ распиленный лѣсъ и увозятъ за границу.

Шергольдъ, по фамиліи нѣмецъ, въ сущности почти русскій; Сурковъ, напротивъ, русскій по фа-

миліи, едва умѣетъ говорить по-русски; оба принадлежатъ къ той нѣмецкой денежной аристократіи Архангельска, которая издавна держитъ городъ въ своихъ рукахъ. С. служитъ хорошимъ примѣромъ того, что можно сдѣлать безъ денегъ— съ хорошей головою и руками: ничего не имѣвшій провизоръ аптеки, еще не старымъ человѣкомъ, добился выдающагося положенія и теперь буквально ворочаетъ милліонами—почти нѣтъ выгодной статьи, которой бы онъ не пробовалъ или не проектировалъ испробовать.

Съ первымъ изъ этихъ господъ я познакомился недавно на пароходѣ и онъ звалъ, когда пріѣду въ Архангельскъ, побывать на заводѣ, гдѣ живетъ его семья. Но мы были такъ уставши и смотрѣли такими замарашками, что не захотѣли безпокоить почтенное семейство и порѣшили проѣхать далѣе, въ Архангельскъ, невдалекѣ виднѣвшійся.

Дулъ порядочный сѣверный вѣтеръ, прямо намъ въ лобъ, и впередъ двигаться, особенно обходить суда, было трудно. Какъ старый морякъ, я рѣшилъ лавировать: перейти подъ парусомъ на тотъ берегъ къ острову, тамъ пройти сколько можно бичевою и затѣмъ опять воротится къ Архангельскому берегу.

Люди мои запротестовали: «отнесетъ далеко за островъ, говорилъ Андрей, да и вѣтеръ силенъ—дюжо качать будетъ».

— Думаешь перевернетъ барку?.

— «А кто ее знаетъ—пожалуй и перевернетъ; ишь какъ дуетъ!»

Совѣстно мнѣ было подвергать опасности семью и рабочихъ, но не было надежды на перемѣну вѣтра: я велѣлъ сниматься съ якоря и мы благополучно, хотя и сильно накренившись, перешли къ острову, протянулись сколько было можно и по сильнымъ волнамъ воротились. Здѣсь однако попали въ настоящую толчею: не только впередъ нельзя было подаваться—еще пятило назадъ. Напрасно я самъ всталъ въ лямку, чтобъ дать примѣръ: ткнувшись нѣсколько разъ носомъ въ песокъ и ни на волосъ не поправивъ дѣло, я пошелъ на пролегавшую вдоль берега большую Архангельскую дорогу и послѣ нѣсколькихъ неудачъ, нанялъ трехъ человѣкъ, взявшихся довести насъ до города. Мы уже тронулись, когда меня соблазнилъ, пробѣжавшій мимо, небольшой пароходикъ. Я крикнулъ ему, не возьметъ-ли барку на буксиръ?—Отвѣтили знакомъ согласія и поворотили къ намъ; я сѣлъ въ лодку, принялъ ихъ конецъ, подалъ свой якорный канатъ, и условившись, что съ насъ возьмутъ за доставку въ городъ три рубля, запрыгалъ по волнамъ—рѣка тутъ очень широка—запрыгалъ на шутку, такъ какъ волненіе разошлось большое.

Процедура опроса барки водяными властями прошла благополучно, потому что судовой билетъ нашъ былъ въ исправности, и мы скоро подошли къ городской набережной.

Островокъ на Сѣверной Двинѣ.

Когда пароходикъ завернулъ къ пристани Кострова и мы стали бокомъ къ вѣтру, я думалъ, что насъ перевернетъ! Однако барочка не осрамилась на послѣдки и дотащила до тихаго уголка, за судами, гдѣ мы помѣстились, показавши носъ вѣтру, волнамъ и качкѣ, порядкомъ уже надоѣвшимъ.

Такъ кончилось наше плаваніе на баркѣ-яхтѣ, плаваніе временами безпокойное, но въ общемъ—пріятное и довольно поучительное.

Что значитъ два мѣсяца не читать газетъ: Въ Троицкой гостинницѣ Архангельска, куда мы пошли пообѣдать, попался номеръ «Нивы», съ портретомъ Казимира Перье, «новаго президента французской республики»—вотъ тебѣ на! Значитъ Карно умеръ? недаромъ же многія газеты намекали на то, что онъ боленъ—значить это правда!—Однако далѣе читаемъ, что «онъ палъ какъ воинъ на своемъ посту, жертвою безсмысленной мести» и т. д. Оказывается, что его убили, зарѣзали! Съ великимъ любопытствомъ мы пересмотрѣли даже всѣ обрывки газетъ и журналовъ.

Больше всего мы были довольны свѣжимъ, не кислымъ бѣлымъ хлѣбомъ, только снившимся намъ за время поѣздки по Двинѣ; также раздобылись свѣжими овощами. Однако никакихъ оригинальныхъ вещей, ни мѣстныхъ, ни привозныхъ изъ Норве-

гіи, о которыхъ раньше слышали—не нашли въ лавкахъ. Магазины въ городѣ недурные, улицы сносно вымощенныя и одна, Троицкій проспектъ тянется чуть не на десять верстъ.

Мы погуляли по набережнымъ бульварамъ, на одинъ изъ которыхъ перенесенъ домикъ Петра Великаго. Самая мысль перенести такой историческій памятникъ не можетъ быть названа счастливою, но что-же сказать о рукѣ, вымазавшей весь домикъ внутри и снаружи—рѣшительно весь—известкой! Онъ набѣленъ точно старая кокетка! Трудно вѣрить, что это было сдѣлано за время губернаторства князя Г., слывущаго за развитого администратора. Кромѣ того я давно слышалъ, что въ этомъ домикѣ хранились кое-какія реликвіи великаго человѣка а теперь тамъ ничего нѣтъ, кромѣ варварски набѣленныхъ стѣнъ—гдѣ эти вещи?

На мой вопросъ сторожу, зачѣмъ домикъ обмазали?—онъ отвѣтилъ, что дерево приняло старый, грязный видъ и потому «нужно было» почистить его. Спорная надобность!

Мнѣ вспомнилась при этомъ небольшая мечеть въ старомъ Дели, въ Индіи—мечеть изъ лучшаго бѣлаго мрамора съ инкрустаціями дорогихъ камней, сердолика, ляписъ-лазури и др., сплошь покрытая тоже известкой. Мечеть эта, въ Делійской крѣпости, служитъ мѣстомъ интендантскаго склада: бѣлый мраморъ позапачкался, прелестныя колонны захватались руками и англійскіе чиновники—видимо похожіе на

русскихъ—въ видахъ чистоты, не нашли ничего лучшаго, какъ приказать вымазать, все, сверху до низу, внутри и снаружи—известкою.

Колонія нѣмцевъ изстари прекрасно устроилась въ Архангельскѣ; главные торговые обороты въ ихъ рукахъ; въ городѣ у нихъ лучшіе дома, экипажи, прекрасный садъ, бульвары. Въ ихъ части города, т. е. въ Нѣмецкой слободѣ, зданіе почты и телеграфа, также техническое училище. Большая часть лѣсопильныхъ заводовъ принадлежитъ тоже нѣмцамъ, хотя въ послѣднее время стали строить заводы и русскіе. Дѣло распилки лѣса и отправки за границу должно быть очень выгодно, потому что число лѣсопильныхъ заводовъ все увеличивается. Прежде казенная пошлина на лѣсъ, т. е. плата за право вырубки дерева, была 50 к., теперь она уже 2 р. 50 к.—а все еще операція вѣроятно очень выгодна, потому что на ней наживаютъ.

Одинъ владѣлецъ завода Р., понявшій, что прежняя низкая плата казнѣ, 50 коп. съ дерева, не можетъ долго продолжаться—придумалъ такую комбинацію: онъ предложилъ управленію казенными лѣсами заключить съ нимъ условіе на право вырубки по 60.000 бревенъ въ продолженіе 20 лѣтъ — знайте получайте, дескать, деньги! Согласились и догадались о томъ, что попали впросакъ, только тогда, когда пошлина повысилась до 1 р. Вслѣдъ за тѣмъ она увеличилась до 1 р. 50 к., 2 р. и наконецъ какъ сказано до 2 р. 50 к., а преду-

смотрительный Р. рубитъ себѣ по 60.000 деревьевъ въ годъ за внесенную плату—50 к. съ дерева. Не знаю, кончилось теперь это разорительное условіе или нѣтъ; не знаю также, будутъ впредь заключаться такія условія съ казною или нѣтъ.

Очевидно пошлина въ 2 р. 50 к. еще мала, такъ какъ лѣсъ истребляется слишкомъ быстро; такъ быстро, что, по словамъ людей, занимающихся заготовкою его и хорошо знающихъ дѣло, черезъ 15—20 лѣтъ хорошихъ лѣсовъ близъ сплавныхъ рѣкъ не будетъ. Ростетъ лѣсъ въ здѣшнихъ мѣстахъ очень медленно, и оставляемые молодяки не успѣютъ окрѣпнуть въ такой короткій срокъ — крупный лѣсъ тогда страшно вздорожаетъ.

За то теперь съ хорошимъ лѣсомъ, благо его много, распоряжаются варварски: срубленнаго великана бракуютъ и оставляютъ гнить изъ-за самаго ничтожнаго предлога—только потому, что сосѣднее дерево лучше! Кто будетъ слѣдить!

Распиливаніе отпускаемаго за границу лѣса, вмѣсто прежней нагрузки на корабли бревнами — хотя и теперь бревнами идетъ не мало—составляетъ единственный шагъ впередъ, сдѣланный со времени Петра I. Край съ тѣхъ поръ почти не подвинулся въ промышленномъ отношеніи: какъ тогда—вывозится одно сырье; только льна вывозятъ меньше, Вологодская губернія, напр., больше шлетъ его на внутренніе рынки, на Ярославскія фабрики. Приготовленіе консервовъ изъ мяса, дичины и рыбы,

довольно распространное шитье туфель изъ оленьихъ шкуръ, отправляемыхъ и въ столицы, и др. малые промыслы не выкупаютъ общей бездѣятельности промышленности, причемъ жалобы на иностранцевъ и собственныя косность и неподвижность, здѣсь, какъ во всей Россіи, составляетъ отличительную черту русскаго предпринимателя; исключенія рѣдки и въ счетъ не могутъ идти.

Мнѣ хотѣлось добраться до Соловецкаго монастыря, но жена моя, уже утомленная скитаньемъ по Двинѣ, не вдругъ рѣшилась ѣхать туда. Однако собралась таки, потому что иначе ей пришлось бы ожидать моего возвращенія въ Архангельскѣ. Мнѣ же непремѣнно хотѣлось взглянуть на знаменитый монастырь.

Наслышавшись о томъ, что въ Соловецкѣ прекрасная гостинница, съ полнымъ даровымъ содержаніемъ, мы взяли лишь самыя необходимыя вещи и, разъузнавъ въ подворьи о времени отхода парохода, отправились къ Соловецкой пристани, куда насъ довезъ маленькій «макаровскій» пароходикъ.

На пристани стояли безпорядокъ и толкотня: выдали билеты, но въ послѣднюю минуту чуть не задержали пароходъ «Соловецкій», на которомъ мы должны были ѣхать—хотѣли отправить насъ на другомъ подошедшемъ въ это время—«Михаилѣ Архангелѣ», «Соловецкъ» же послать за архіереемъ, объѣзжавшимъ Мурманскій берегъ. Сначала насъ со всею хурдой-мурдою хотѣли высаживать, потомъ рѣшили оставить,

но пасажировъ 3-го класса не принимать, а въ концѣ концовъ оставили въ силѣ первое распоряженіе, т.-е. надумали отправить всѣхъ на «Соловецкѣ» — порядка и устойчивости въ управленіи пароходствомъ видимо было немного.

Монахи, въ высокихъ ватныхъ скуфьяхъ, имѣли дѣловой видъ — очевидно имъ совсѣмъ не было времени для молитвъ и сосредоточенія—они бѣгали, суетились, перебранивались, только отецъ Амвросій, смотритель Соловецкаго подворья, смотрѣлъ внушительно и степенно.

Послѣ впуска всѣхъ платныхъ пассажировъ началась раздача даровыхъ билетовъ: крестясь, брали изъ рукъ монаха дорогой лоскуточикъ бумаги, крестясь же вступали на пароходъ и съ новымъ крестомъ засовывали сокровище за пазуху—для многихъ конечно это было исполненіе желанія всей жизни.

Какихъ, какихъ типовъ тутъ не встрѣчалось: старая-престарая старушка, убогая, почти слѣпая, на костыляхъ, буквально едва волочащая ноги, введена и садится на первую приступочку —- она креститея, крестится безъ конца. Еще старики, еще старухи; есть и молодые, нѣкоторые подвыпившіе— со всѣми полиція и пароходное начальство обращаются крайне безцеремонно: полицейскіе острятъ, шутятъ, подталкиваютъ не стойкихъ.

Такъ какъ уже начался сѣнокосъ и другія работы, то народу стало много меньше: нѣтъ тѣхъ

гуртовъ богомольцевъ, попадавшихся намъ выше по рѣкѣ, вповалку наполнявшихъ палубы и всѣ пустыя мѣста пассажирскихъ пароходовъ.

Манастырскіе пароходы не дурны, но въ каютахъ и на палубѣ держится особенный смѣшанный запахъ соленой рыбы, восковыхъ свѣчей и грязнаго заношеннаго бѣлья. Мы заплатили по 7 рублей за билетъ 1-го класса—туда и обратно—считая тутъ и помѣщеніе въ гостиницѣ, за положенное время трехдневнаго пребыванія въ монастырѣ—это недорого, если содержать будутъ недурно, хотя, разумѣется, взята въ разсчетъ и неизбѣжная добровольная жертва въ монастырѣ. Скоро, впрочемъ, чтобы быть вполнѣ свободнымъ въ каютѣ, мы доплатили 11 рублей и такимъ образомъ получили ее за 25 рублей—всю. Прислуга на параходѣ дурная—не внимательная: на всѣхъ одинъ служка, которому пришлось сунуть на чай, чтобы получить самоваръ.

Ѣхало нѣсколько семей небогатыхъ купцовъ съ семьями, не впервые уже посѣщавшихъ Соловки; нѣкоторые пробирались туда въ пятнадцатый разъ!

Вскорѣ начало качать и пассажиры стали спускаться въ каюты. Моя жена, долго храбрившаяся и увѣрявшая, что наверху слишкомъ хорошо, чтобы идти въ духоту—не вытерпѣла, когда около нея какой-то юноша заболѣлъ со всѣми послѣдствіями; не успѣла она спуститься, какъ насталъ чередъ ея и нашей малютки.

Послѣ того, что волны два раза вкатились къ намъ, въ каюту, мы должны были запереть окно, отчего и сдѣлалось душно—я крѣпился, но женѣ и малюткѣ было очень дурно и они провели безпокойную ночь.

Рано утромъ, пароходъ уменьшилъ ходъ; я вышелъ па палубу и увидѣлъ массу зеленыхъ куполовъ, совсѣмъ близко; звонили въ колокола, пассажиры набожно крестились, готовили пожитки—передъ сходомъ на берегъ.

Мы вошли въ пресловутую гостинницу, оказавшуюся самымъ ординарнымъ зданіемъ. Благодаря военному кресту въ петлицѣ, меня отличили назначеніемъ одного изъ лучшихъ номеровъ, въ двѣ комнаты. Кровати были еще туда-сюда, но матрацы ужасные, а бѣлье до невѣроятія грязное. Я пробовалъ просить перемѣнить его, но въ отвѣтъ получилъ увѣреніе въ бѣдности.... и только послѣ того, что рублевая бумажка помогла этой бѣдности, намъ выдали четыре толстыя, но совсѣмъ чистыя простыни и наволочки. Также долго не могли добиться самовара: «Нельзя всѣмъ сразу, грубо говорилъ служка, у меня не десять рукъ, подождите!» Однако двугривенный немедленно смягчилъ и его—явился самоваръ, а съ нимъ миръ снизошелъ въ наши души.

«Не осуждай, да не осужденъ будеши»—сказали мы себѣ, а осуждать пришлось на первыхъ же порахъ не мало. Вотъ оно даровое содержаніе: или довольствуйся отвѣтами «нѣтъ и нѣтъ», или плати суй на чай....

Монастырскія стѣны, выложенныя изъ крупнаго булыжнаго камня, очень интересны — это циклопическое сооруженіе. Онѣ носятъ на себѣ много слѣдовъ бомбардировки 1852 года, когда два англійскіе парохода, послѣ сильной стрѣльбы, ни съ чѣмъ отошли отъ монастыря. Въ деревѣ и кирпичѣ остались дыры, поломки, но булыжникъ даже и не расколотъ. Офиціальный монастырскій разсказъ объ этомъ событіи очень цвѣтистъ, и, надобно думать, не вполнѣ правдоподобенъ; наприм, трудно повѣрить, чтобы двѣ монастырскія пушенки — теперь доживающія свой вѣкъ въ справедливомъ почетѣ, подъ навѣсомъ особо устроеннаго павильона—нанесли такой большой вредъ англійскимъ судамъ, что *заставили* ихъ удалиться.

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ англичане потребовали впуска въ монастырь и, въ случаѣ отказа, обѣщали не оставить камня на камнѣ въ немъ. Какъ намъ разсказывалъ одинъ старый монахъ, очевидецъ событія—настоятоятель былъ того мнѣнія, что благоразумнѣе впустить англичанъ, которые, какъ образованные люди, по его мнѣнію, не сдѣлали бы вреда ни братіи, ни обители, но бывшій тутъ офицеръ, съ 50-ю человѣками солдатъ, воспротивился. Англичане долго стрѣляли, а потомъ увидѣвши, что стѣнъ не повалить и надобно штурмовать, не солоно похлебавши—ушли. Слѣдовъ ядеръ не мало и въ стѣнахъ главнаго храма, но въ общемъ большого вреда и тутъ не было нанесено.

Нѣтъ сомнѣнія, что англичане удержали бы за собою островъ, если бы взяли обитель, а монастырскія богатства увезли бы, такъ какъ на этотъ счетъ у нихъ своеобразные понятія: они порицаютъ военный грабежъ у другихъ, но сами предаются ему во всѣхъ странахъ—неукоснительно.

Всѣ церкви монастыря до нельзя перепорчены позднѣйшими передѣлками и украшеніями безвкуснаго характера. Живопись, покрывающая стѣны, ниже всякой критики. Еще галлерея, покрытая картинами мученій грѣшниковъ въ аду — картинами въ полномъ смыслѣ ужасными, составляющими неистощимый предметъ любопытства, удивленія и восхищенія поклонниковъ — представляетъ нѣчто болѣе или менѣе оригинальное по замыслу, хотя и лубочное по исполненію; но большія картины на стѣнахъ главной церкви суть не что иное, какъ плохія копіи съ гравюръ Рубенса, Штейбена и др.— все пестро, кричаще, лубочно.

Рака преподобныхъ Зосимы и Савватія богато украшена и передъ ними непрестанно служатся молебны, служатся очень небрежно, невнимательно и съ такою быстротою, что можно уловить только 5-е, 6-е слово изъ произносимаго. Особенно непріятно поражаетъ то, что на молебны даются контромарки и большинству поклонниковъ говорятъ: уѣзжайте, не безпокойтесь, отслужимъ молебенъ безъ васъ!

— Да я сама хочу помолиться съ вами передъ

угодникомъ--говорила почтенная дама—сдѣлайте милость, отслужите сейчасъ!

— Охъ ужъ эти молебны—съ ними всегда къ трапезѣ опоздаешь—отвѣтилъ монахъ, неохотно принимаясь за дѣло.

Здѣсь впервые довелось видѣть намъ схимника, стоявшаго близъ мощей святителя Филиппа или вѣрнѣе—правой десницы этого святого, прежняго настоятеля Соловецкаго, мощи котораго, какъ извѣстно, почиваютъ въ Москвѣ. Почтенный старецъ-схимникъ казалось намъ, слишкомъ часто обращалъ вниманіе на толпу, благоговѣйно его разсматривающую; и то сказать—его одѣяніе черное съ бѣлою тесьмою любопытно и производитъ впечатлѣніе.

Надобно замѣтить, что такого количества чаекъ, какъ здѣсъ, мы никогда не видывали; онѣ покрываютъ всѣ дворы, спокойно гуляютъ, летаютъ, дерутся и кричатъ до того, что непривычные уши и нервы сильно страдаютъ; пометъ ихъ покрываетъ проходы, мостки и лѣстницы и случается видѣть, какъ почтенный монахъ съ сердцемъ устремляется на крылатую стаю, успѣвшую за время службы обгадить входъ въ его келью.

Монастырская ризница очень богата—много дорогихъ, хорошей работы, вещей, жалованныхъ царями, царицами и именитыми людьми обоего пола. Жаль, что сохраняются только вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, съ жемчугомъ и дорогими камнями, и вовсе нѣтъ подѣлокъ изъ дерева, которыми сѣверъ такъ

богатъ — рѣзные кресты, сосуды и иконы бывали въ рукахъ монаховъ, но не сохранилиськакъ «не стоящіе вниманія».

Послѣ ризницы мы осмотрѣли иконописную школу, оказавшуюся очень примитивной: рисуютъ иконы безъ подготовки, безъ знанія рисунка, старательно выписываютъ и вылизываютъ копируя съ самыхъ плохихъ оригиналовъ, подъ руководствомъ молодого, глухого келейника. Настоятель, плотный, ласковаго вида и приличныхъ маперъ монахъ, жаловался намъ на отсутствіе преподавателя: «былъ,—говоритъ, да соскучился, ушелъ, хоть мы платили ему сто рублей въ мѣсяцъ—не знаемъ какъ достать другого».

Я обѣщалъ увѣдомить объ этомъ академію художествъ и по моей просьбѣ вице-президентъ ея графъ Толстой вступилъ съ настоятелемъ въ переписку, которая вѣроятно увѣнчалась уже успѣхомъ. Сбытъ образовъ изъ Соловецка такъ великъ, что конечно слѣдуетъ завести тамъ порядочную школу и уничтожить гостинодворскій пошибъ письма.

По окончаніи обѣдни всѣ пошли къ трапезѣ, публика почище изъ нашей гостиницы дождалась «простого народа», шедшаго изъ другой гостинницы настоящею процессіею, въ предшествіи монаха съ пѣніемъ псалма. Соединившись, всѣ вошли въ помѣщеніе трапезы, тоже съ пѣніемъ. Меня разлучили съ женою и ребенкомъ—онѣ пошли съ женщинами въ дальнюю храмину, а мы, мужчины, заняли большой столовый залъ. Въ послѣднюю минуту

Островокъ на Сѣверной Двинѣ.

монахъ-распорядитель отдѣлилъ тѣхъ, кто почище, за особый столъ. Пропѣли и прочитали еще нѣсколько молитвъ и затѣмъ разсѣлись кушать.

Прежде всего была подана посоленая треска съ зеленымъ лукомъ и квасомъ—я ѣлъ мало, такъ какъ всѣ хлебали прямо изъ миски, а между ѣвшими были и больные. Вторымъ блюдомъ была кашица изъ крупы, муки и капусты. Слышу сосѣди говорятъ: «и вѣдь какъ это у нихъ все вкусно приготовлено!»—хоть убей я не находилъ этого—напротивъ, стряпня показалась мнѣ убійственною. Третье блюдо, варево изъ соленой же палтусины — что-то мутное, хотя нѣсколько болѣе вкусное, чѣмъ предыдущее. Четвертое — крутая яшная каша, очень безвкусная, а тѣ же сосѣди знай похваливаютъ: «ахъ, хороша каша, вотъ вкусная-то каша!»

Отнимало аппетитъ и то, что не ѣвшіе изъ общей миски должны были класть все на одну и ту же оловянную тарелку и утираться не салфеткой, а очень длинной, грязной тряпкой, уже служившей очевидно за многими трапезами, кому попало. Я еще впрочемъ ѣлъ, но противъ меня сидѣвшій молодой человѣкъ совсѣмъ не притронулся къ явствамъ. За все время трапезы шло чтеніе дѣяній апостола Павла, а по окончаніи—весьма долгое чтеніе молитвъ и пѣніе хоромъ.

Жена моя и малютка съѣли только по кусочку хлѣба; хоть они тамъ сидѣли то же за «чистымъ» столомъ, но аппетитъ, сильный при входѣ въ трапезу,

совершенно покинулъ ихъ за обѣдомъ. Нѣкоторые сосѣди ея не охотно разстались съ ѣдою и не стѣсняясь, споря, переругиваясь съ товарками, хватали при уходѣ куски хлѣба и кружки съ квасомъ. При выходѣ всѣ клали что-либо на подставленныя тарелки, клали хотя не по многу, больше мѣдью, но конечно достаточно, чтобы съ лихвой окупить съѣденное. Вообще система всего дарового, съ добровольнымъ сборомъ за все, очень практична: она даетъ демократическій характеръ порядкамъ монастыря, не уменьшая, а увеличивая доходность, по всѣмъ статьямъ.

Соловецкая обитель—столько же молитвенная община, сколько и торговая компанія. Оставаясь чисто-торговою она никогда не имѣла бы того успѣха, какимъ пользуется теперь. Превиллегіи ея безсчетны—довольно сказать, что по всѣмъ торговымъ оборотамъ и по владѣнію всѣми островами обитель ничего не платитъ казнѣ—въ результатѣ громадныя нажитыя суммы, съ которыхъ государство не получаетъ ни копейки.

Долгія денныя и ночныя бдѣнія приводятъ къ тому, что большинство монаховъ, если не открыто спитъ, то подремываетъ во время службы: когда я разъ заглянулъ въ алтарь, чтобы полюбоваться на чудесную рѣзную сѣнь, надъ главнымъ престоломъ, то совершенно нечаянно засталъ всѣхъ служащихъ сидящими съ опущенными внизъ головами—въ дремушкахъ.

Поклонниковъ стекается въ монастырь громадное число: на нихъ и на братію идетъ до 25.000 пудовъ хлѣба въ годъ: запасы почти всего остального свои— сравнительно тѣхъ же размѣровъ.

Мы рѣшились за трапезу больше не ходить и кормиться своими средствами, но чѣмъ было питаться? Я пошелъ къ завѣдывающему подваломъ съ, рыбою и купилъ свѣже-просольной семги, за которую заплатилъ по 32 коп. за фунтъ, въ то время какъ одинъ чиновникъ купилъ ее за 30, а еще одинъ пріѣзжій за 28—очевидно продавали по виду покупателя. Съ семгою отправился въ пекарню и попросилъ испечь пирожокъ—спросили 40 коп.

— Извольте, отецъ—говорю монаху-пекарю—заплачу 40 к. только ужъ вы не пожалѣйте маслица.

— А коли маслица не жалѣть, такъ надобно 45 коп.

— Идетъ и 45 коп., только чтобы пирогъ былъ на славу!—Увы, масло оказалось горькое, а ѣсть было нужно, чтобы не умереть съ голоду.

Библіотека въ монастырѣ не важная въ настоящее время, и художественнаго интереса въ постройкахъ, какъ уже сказано, мало. Ѣзда по острову, съ переправами п обурному морю, не сулила удовольствія, и мы рѣшились скорѣе уѣхать. На бѣду однако стали толковать о томъ, что пароходъ не отойдетъ въ указанный день, такъ какъ отправится къ Мурманскому берегу, за Архангельскимъ Преосвященнымъ.

Я опять пошелъ къ настоятелю, разсѣявшему

наши опасенія и объявившему, что въ назначенное время мы уѣдемъ.

Обратный путь не обошелся безъ непріятностей: выйдя далеко въ море, мы вдругъ остановились. Оказалось, что почтенные отцы, обѣщавшіе архіерею доставить его въ Архангельскъ, распорядились устроить такъ, чтобы и овцы были цѣлы и волки сыты: особеннаго парохода за его преосвященствомъ не послали, хотя онъ и былъ, а надумали встрѣтить преосвященнаго въ морѣ, пересадить къ себѣ и подвезти.

Такъ какъ жена моя и ребенокъ довольно настрадались отъ качки, то я пошелъ объясняться съ ѣхавшимъ на нашемъ пароходѣ «Намѣстникомъ» монастыря—красивымъ, всегда веселымъ и довольнымъ монахомъ, принявшимъ однако мое вмѣшательство не любезно: «Мы ждемъ его преосвященство и если не дождемся, то пойдемъ за нимъ къ Мурманскому берегу—отвѣтилъ онъ мнѣ».

— Но почтенный отецъ, вѣдь поѣздка къ Мурманскому берегу не входитъ въ наши виды: мы пріѣзжали въ Соловецкъ, а теперь ѣдемъ назадъ въ Архангельскъ и желаемъ быть тамъ возможно скорѣе.

— Мы господа у себя на пароходѣ и дѣлаемъ что хотимъ.

— Это было бы совершенно вѣрно и резонно если бы вы возили насъ даромъ, но всѣ мы заплатили за переѣздъ и весьма дорого — я наприм.

внесъ 25 рублей и имѣю право ѣхать туда, куда указываетъ билетъ...

— Вы начинаете говорить мнѣ дерзости!

— Не наоборотъ ли, отецъ...

На наше счастіе мы прокачались на якорѣ всего 6—7 часовъ; преосвященный пріѣхалъ, благословилъ пассажировъ, отправился съ нами далѣе и безъ приключеній мы добрались до Архангельска.

Въ общемъ Соловецкій монастырь не оставляетъ благоговѣйнаго впечатлѣнія; онъ много поработалъ прежде, но сдается мнѣ, что пережилъ уже свою славу. Знаю, что и теперь онъ дѣлаетъ дѣла, привлекаетъ много народа и собираетъ много денегъ, но суть не въ этомъ... Самый типъ теперешняго соловецкаго монаха сталъ менѣе симпатиченъ: это не инокъ безсребренникъ, заботящійся о врачеваніи тѣлесныхъ и душевныхъ немощей ближнихъ, а дѣлецъ, хлопочущій о томъ, чтобы собрать побольше всего—отъ денегъ и драгоцѣнныхъ камней до молока и семги—монахъ, любящій тепло, обильную пищу и безбѣдное житье—на счетъ ближнихъ; объ устройствѣ школъ и распространеніи просвѣщенія между инородцами и раскольниками, отцы не заботятся.

